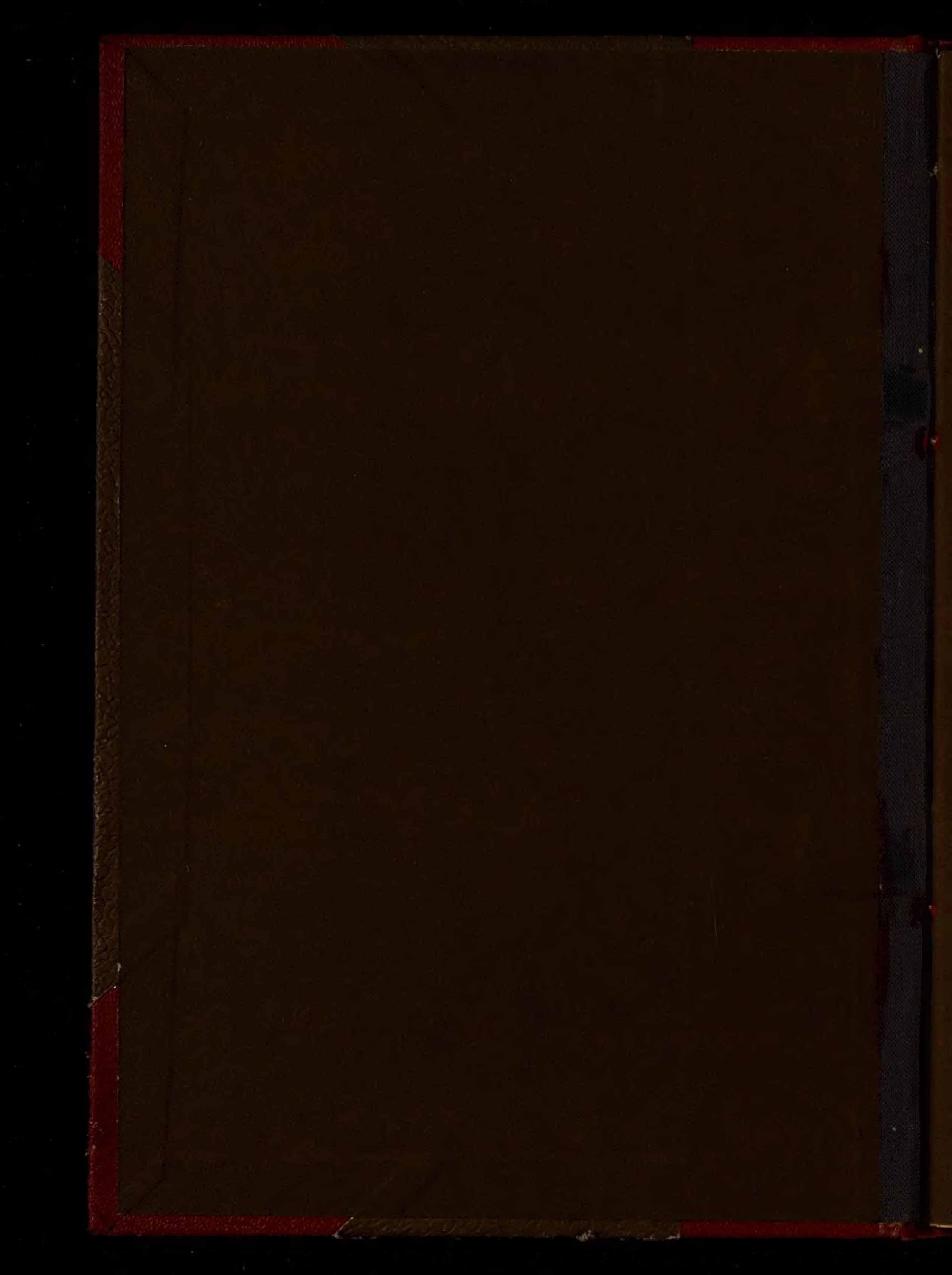
Стрѣльскій

ПАРТІИ И РЕВОЛЮЦІЯ 1905 ГОДА

Книгоиздательство „Молотъ".

„Рабочая библіотека"
подъ редакціей
Парвуса.

П. Стрѣльскій.

Партіи и революція 1905 года.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія", Загородный 17.
1906.

Книгоиздательство „Молотъ“.

„Рабочая библіотека“
подъ редакціей
Парвуса.

П. Стрѣльскій.

Партіи и революція 1905 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“, Загородный 17.
1906.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

До революціи.

Какъ объяснить себѣ великія и тяжелыя событія перваго революціоннаго года? Несомнѣнно, что общее объясненіе причинъ и характера революціи 1905 года можетъ быть найдено только въ исторіи того внутренняго переворота общественно-экономическихъ отношеній, который привелъ Россію къ теперешнему политическому перевороту. Но такое соціально-экономическое изслѣдованіе мы здѣсь не ставимъ себѣ цѣлью, и отмѣтимъ въ экономической исторіи прошлаго только два крупные момента: полувѣковой процессъ перерожденія крѣпостной Россіи въ Россію капиталистическую и Японскую войну со всѣми ея послѣдствіями для народа.

Но надъ исторіей глубокихъ соціальныхъ процессовъ передъ нами прошла „исторія въ лицахъ",—исторія общественныхъ классовъ, слоевъ, группъ, партій. И въ этой послѣдней должны найти себѣ ближайшее объясненіе „побѣды и пораженія" революціи 1905 года. Исходъ тѣхъ или другихъ событій зависѣлъ отъ соотношеній и сочетаній общественныхъ силъ. И передъ нами прежде всего встаетъ вопросъ о томъ, какъ понять различныя общественныя группировки въ теченіе революціоннаго года, а именно: согласованное выступленіе разночинныхъ „союзовъ" и рабочихъ массъ съ января по октябрь, октябрьскую побѣду народа, ноябрьское и декабрьское „одиночество" пролетаріата, декабрь-

скій разгромъ революціи и, наконецъ, объединеніе группы земскихъ либераловъ съ разночинной демократіей въ конституціонно-демократической партіи. Пониманіе всего этого лежитъ въ связной исторіи 1905 года, а эта послѣдняя, въ свою очередь, можетъ быть ясна только, какъ завершеніе исторіи минувшаго полустолѣтія. Поэтому окинемъ общимъ взглядомъ это полустолѣтіе русской жизни.

Крѣпостная Россія была далека отъ нашего теперешняго общественнаго склада. Но съ шестидесятыхъ годовъ, съ первыхъ дней раскрѣпощенья народа, каждый день, даже въ промежутки поверхностнаго застоя, былъ творцомъ новаго строя и ростилъ сѣмена грядущей революціи. Въ этомъ прошломъ лежитъ происхожденіе современнаго русскаго города, русскаго рабочаго класса, разночинной демократіи и класса крупныхъ промышленниковъ. Въ немъ же находитъ своихъ политическихъ предковъ партія земцевъ и разночинцевъ (либерально-демократическая) послѣдняго десятилѣтія. Такими предками ея были либеральные дворяне временъ освобожденія крестьянъ. Борцы революціи и борцы противъ нея—всѣ они родились въ русской жизни за послѣднее полустолѣтіе. Великая россійская революція зачата исторіей Россіи въ шестидесятыхъ годахъ. Сорокъ лѣтъ ея силы таились въ глубинѣ народной жизни и прорывались только въ геройской борьбѣ съ правительствомъ тѣсной группы „Народной Воли“. Наконецъ, эти силы ея охватили всю русскую жизнь въ январскіе дни 1905 года.

Этотъ полувѣковой періодъ начался освобожденіемъ крестьянъ. Но освободительная реформа не была просто первой уступкой правительства, за которой послѣдовательно шли и другія. Она была вершиной первой революціонной волны, начало которой—сороковые, конецъ—семидесятые годы. Эта „революція сверху“ была своеобразна. Она была недозрѣлой формой переворота.

Народъ страдалъ и бунтовалъ. Цѣпи его неволи трещали, но не рвались. Революція была завершена дѣятелями правящяго класса — „либеральнымъ дворянствомъ“. Сущность „эпохи великихъ реформъ“, вкратцѣ, была такова.

Въ шестидесятыхъ годахъ передъ правительствомъ выдвинулась неотложная задача переустройства жизни милліоновъ крестьянскаго населенія. Крѣпостное состояніе дѣлалось для народа все болѣе и болѣе невыносимымъ, а для дворянъ владѣніе крѣпостными душами становилось уже менѣе выгоднымъ, нежели другіе способы землевладѣнія и хозяйства. Крестьяне выходили изъ повиновенія помѣщикамъ. Одни изъ помѣщиковъ звѣрски расправлялись съ бунтовщиками, другіе давали своимъ крѣпостнымъ волю. Медлить съ раскрѣпощеніемъ народа нельзя было.

Правящимъ классамъ предстояло разрѣшить этотъ вопросъ. А у власти въ то время стояло самодержавное правительство съ массой своихъ чиновниковъ и дворянство. Въ прошломъ обѣ эти правящія группы были родственны между собой. Высшіе и даже средніе чиновники сплошь были дворянами. То были помѣщики въ дворянскихъ мундирахъ и дворяне—иногда безпомѣстные—въ мундирахъ вѣдомствъ. Но теперь дворянству предстояло лишиться своей сословной власти. Лишаясь ея, оно хотѣло получить въ свои руки хоть частицу государственной власти. Правительство же, наоборотъ, хотѣло укрѣпить свою власть раскрѣпощеньемъ крестьянства. Интересы обѣихъ группъ столкнулись. Два соперника сошлись рѣшать судьбу народа безъ его участья въ этомъ дѣлѣ. И каждый изъ нихъ стремился учесть реформу въ свою пользу.

Исходъ дѣла былъ рѣшенъ перевѣсомъ силы правительства надъ безсильемъ либеральныхъ дворянъ. А способности правительство позаимствовало у тѣхъ же „дѣятелей шестидесятыхъ годовъ“. Но въ противополож-

ность либеральному дворянству, правительство, жившее и богатѣвшее за счетъ казны и силой государственной власти, боялось настоящаго раскрѣпощенья крестьянъ, такъ какъ не хотѣло никому уступать ни крупицы своего всевластія. Однако же, немного раскрѣпостить крестьянъ оно принуждено было. Никакое правительство не въ силахъ отказаться отъ разрѣшенія соціальныхъ, т. е. глубоко-общественныхъ задачъ. Правительство, которое упорствуетъ въ этомъ случаѣ, погибаетъ. И вотъ правительство Александра II освободило крестьянъ руками „дѣятелей“—именемъ царя. При этомъ вмѣсто полнаго раскрѣпощенія оно остановилось на полумѣрахъ: сохранило временно-обязанныя отношенія, дало освобожденнымъ нищенскіе надѣлы изъ худшихъ земель, наложило на нихъ непомѣрные выкупные платежи и т. д. Затѣмъ оно разнесло славу Царя-Освободителя и сломило свободомысліе партіи „властолюбивыхъ“ либераловъ-дворянъ. „Смѣю думать“,—докладывалъ императору министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, [1])— „что общая государственная польза требуетъ, чтобы этимъ беззаконнымъ стремленіямъ положенъ былъ предѣлъ“.

Такъ закончилась острая борьба двухъ политическихъ партій того времени: правительственной и либерально-дворянской. И все же правительство, не допустивъ либераловъ къ власти, не могло оставить ихъ ни съ чѣмъ. Его платой за крестьянскія души были выкупные, наложенные на землю. А въ вознагражденіе за потерю власти надъ душами правительство одарило землевладѣльцевъ земскимъ самоуправленіемъ. Этимъ было создано политическое убѣжище для либерализма. И въ этомъ убѣжищѣ либерализмъ прозябалъ, пока созрѣвали условія новаго общественнаго переворота.

---

[1]) „Русская Старина“, кн. IV за 1889 г. Записки М. А. Милютиной.

Но лишь только власть самодержца Освободителя стала крѣпнуть, правительство поспѣшило притупить и это имъ же самимъ данное противнику оружіе. Положеніе о земствѣ было урѣзано. И при всемъ томъ это „политическое оружіе" оставалось въ рукахъ землевладѣльцевъ. Мѣстное самоуправленіе по сущности своей противорѣчило самодержавному строю. И земство даже въ глухую пору царствованія Александра III безпокоило правителей. Не даромъ въ девяностыхъ годахъ Витте въ своей знаменитой запискѣ—„Самодержавіе и земство"—ополчился въ защиту перваго противъ послѣдняго. Но въ восьмидесятыхъ годахъ либеральная земщина была безсильна сдѣлать что-либо съ этимъ „опаснымъ" оружіемъ, потому что съ освобожденіемъ крестьянъ на время установилось равновѣсіе общественныхъ силъ. Народъ безмолствовалъ. Политическое значеніе земства сводилось къ нулю.

А въ глубинѣ народнаго моря шелъ великій общественный переворотъ. Начался онъ съ невыносимой нужды и бѣдности освобожденныхъ крестьянъ. Они при освобожденіи были наполовину обезпечены. Между тѣмъ, населеніе росло. Крестьянамъ становилось не подъ силу справляться съ хозяйствомъ на своихъ кошачьихъ надѣлахъ. Но нужда народная не сразу довела Россію до политической ломки. Правительство само взялось за устройство крестьянской жизни. Оно поддерживало крестьянскую общину, устроило переселенческое дѣло, учредило крестьянскій банкъ для облегченія прикупокъ земли, облегчило—а подъ конецъ и совсѣмъ отмѣнило — круговую поруку. Съ другой стороны, земскіе дѣятели изъ гласныхъ и новые люди земства—учителя, врачи, агрономы, статистики—обслуживали разнообразныя нужды деревни. Всѣмъ этимъ до поры до времени предотвращалось обостреніе крестьянскаго вопроса. А жизнь продолжала плести петли новаго узла народныхъ нуждъ. Крестьяне нищали и

уходили въ города на заработки. Въ городахъ быстро росли фабрики и заводы, и новые люди города, рабочіе, предъявляли и новыя требованія. Возникъ вопросъ о величинѣ заработной платы, о длинѣ рабочаго дня, объ условіяхъ работы, о безработицѣ,—словомъ, возникъ рабочій вопросъ.

Начались „бунты" рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ, начались стачки. Правительство взялось и за разрѣшеніе рабочаго вопроса. Всевозможныя комиссіи издавали понемногу кое-какіе законы въ защиту труда.

Затѣмъ между правительствомъ и рабочими массами сталъ новый обширный слой населенія. Возникъ этотъ слой вмѣстѣ съ городскими рабочими, развивался одновременно съ ростомъ рабочихъ массъ и скоро по численности своей и по значенію переросъ слой „новыхъ людей" земства.

Верхушки „новаго общественнаго зданія" создались обособленно и сложились онѣ такимъ путемъ. Отдѣльные крестьяне богатѣли на трудѣ батраковъ, на кабацкомъ дѣлѣ, на мелочной торговлѣ; ремесленники — на трудѣ подмастерьевъ и учениковъ; дворянскіе дѣти, чиновники—на казнокрадствѣ. Нѣкоторые изъ этихъ удачниковъ купили имѣнья и приспособились къ земской средѣ. Другіе взялись за торговыя и промышленныя предпріятія, смѣшались съ купеческимъ сословіемъ и скоро пропитались косностью крупныхъ купцовъ-капиталистовъ.

А рядомъ съ этими группами общества быстро наросталъ еще одинъ слой — разночинцы [1]). „Благодаря равному надѣлу земли,—говорилъ саратовскій гласный Львовъ [2]),—наши землевладѣльцы или ихъ дѣти дол-

---

[1]) Общее развитіе этой многочисленной группы населенія хорошо очерчено въ ст. „Земскій либерализмъ" Н. И. Іорданскаго, гл. VI. 1905 г.

[2]) См. тамъ же.

жны будутъ обратиться, да и теперь уже обращаются, къ профессіональному труду ради заработка. Изъ молодого поколѣнія дворянъ выходятъ врачи, адвокаты, инженеры, техники и проч. Многіе землевладѣльцы занимаются не столько хозяйствомъ, сколько профессіональнымъ трудомъ". Къ этому же слою примыкали студенты, учителя, художники и т. д. Вся эта немалочисленная группа разночинцевъ извѣстна подъ названіемъ интеллигенціи. Это—истинное дѣтище нашего времени. Она играетъ въ современной жизни немалую роль и обслуживаетъ нужды самыхъ различныхъ слоевъ общества. Интеллигенція частью пользуется большими доходами. Эти доходы притекаютъ къ ней изъ рукъ казны, общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ капиталистовъ. Поэтому она, въ сущности, заинтересована въ выгодахъ предпринимательства. Но, не участвуя своекорыстно въ предпріятіяхъ, она не развращена въ общественномъ смыслѣ и не пріучена видѣть въ рабочей массѣ свою добычу. По своему общественному положенію она близка къ классу собственниковъ, т. е. къ буржуазіи; ея среда даже даетъ выскочекъ въ ряды капиталистовъ. Но она же и подчинена классу капиталистовъ, получая отъ нихъ свои доходы. Неудачники же изъ ея среды несутъ горькую долю наемныхъ рабочихъ и справедливо называются интеллигентными пролетаріями.

На ряду съ интеллигенціей разросся не менѣе многочисленный слой тѣхъ разночинцевъ, которые получили ходячее названіе полу-интеллигенціи. Это были разночинцы, нашедшіе служебныя занятія въ промышленности и торговлѣ. Они вошли массами въ такія громадныя группы, какъ, напримѣръ, желѣзнодорожная корпорація. Въ нихъ эта полу-интеллигенція, полупролетаріатъ, крѣпко связала свои интересы съ интересами чисто пролетарскими.

Первыя десятилѣтія существованія этихъ новыхъ

слоевъ русскаго общества политическая жизнь страны чуть теплилась. Разночинная молодежь добивалась служебныхъ правъ и преимуществъ. Высшее образованіе разросталось, но университеты готовили узкихъ по своему умственному кругозору чиновниковъ; множество врачей проходило военную выучку Петербургской военно-медицинской академіи; учителей выращивали въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ учительскихъ институтахъ и Петербургскомъ филологическомъ институтѣ; инженеры выходили изъ высшихъ техническихъ институтовъ, въ которые попадали, главнымъ образомъ, люди съ большими связями. Русскіе юристы, естественники, математики шли служить въ акцизъ и т. д., словомъ, становились „казенными душами“; врачи и инженеры казались безнадежно неспособными къ политической жизни.

Только одна группа въ этой средѣ выдвинулась на поприщѣ общественной дѣятельности. Это былъ такъ называемый „третій элементъ“ земства. Возникла эта группа слѣдующимъ образомъ. Оскудѣніе дворянскаго сословія, бѣгство изъ духовнаго званія и сравнительно легкій доступъ въ школу „кухаркинымъ дѣтямъ [1]“— все это вызвало избытокъ образованныхъ и недоучившихся лицъ, ищущихъ службы. Этотъ избытокъ интеллигенціи находилъ себѣ пріютъ на службѣ у земства. Онъ и составилъ тамъ „третій элементъ“, который былъ принятъ земцами очень гостепріимно по слѣдующимъ причинамъ. Классъ землевладѣльцевъ въ то время пополнялся выходцами изъ крестьянства, купечества и чиновничества. Эти скупщики земли, кабатчики, кулаки и отставные чиновники брались за землю, владѣя избыткомъ капитала. Имъ не было никакого дѣла до либеральнаго недовольства оскудѣвшихъ дворянъ, а къ

[1]) Такъ реакціонеры того времени называли школьниковъ изъ среды городской мелкоты.

богатымъ дворянамъ-помѣщикамъ они относились недружелюбно; причиной ненависти тутъ были дворянское званіе и его преимущества. Поэтому земскія дѣла шли вразбродъ, и либеральнымъ дѣятелямъ земства не хватало силъ на мѣстную работу. И вотъ они допустили къ распоряженію дѣломъ всевозможные „совѣты“ изъ наемныхъ у земства лицъ: врачей, статистиковъ и т. д. Словомъ, избытокъ силъ интеллигенціи нашелъ себѣ примѣненіе въ земской работѣ.

Затѣмъ съ ростомъ числа разночинцевъ, явилось множество бѣдствующихъ лицъ. Дѣти разночинцевъ по завѣту отцовъ искали образованности и поступали въ высшія учебныя заведенія. При этомъ отсутствіе средствъ и трудность найти заработокъ часто не позволяли имъ „выйти въ люди“. Образовался „интеллигентный пролетаріатъ“. Въ его средѣ жило вѣчное глухое недовольство и свѣтлыя надежды на будущее.

Вотъ эти-то двѣ группы—земскіе служащіе и интеллигентные пролетаріи, а главнымъ образомъ, студенчество—были единственными, хотя и слабыми, очагами политической жизни того времени. При этомъ земскіе служащіе не играли самостоятельной роли. Они шли за счастливыми обладателями самоуправленія, за либеральными помѣщиками [1]). Студенты же обнаруживали самостоятельность только въ защитѣ своихъ чисто-студенческихъ, академическихъ правъ.

За этими исключеніями, до девяностыхъ годовъ—т. е. до періода высокаго развитія революціонныхъ силъ новаго общества, до подъема рабочаго и крестьянскаго движенія—разночинцы были большей частью очень „благонамѣренны“ и не выступали противъ правительства. „Служилые люди“ привыкли видѣть въ казнѣ источникъ всѣхъ благъ. Служащіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ были развращены тре-

---

*) Н. И. Іорданскій. „Земскій либерализмъ“. 58 стр.

бовательностью хозяевъ и покорностью беззащитныхъ рабочихъ. Былъ большой спросъ на образованныхъ и обученныхъ людей, и всѣ эти группы не чувствовали еще надъ собой особеннаго гнета и даже не заявляли никакихъ „профессіональныхъ" требованій. Земцы — эти собственники, люди правящаго класса землевладѣльцевъ — оказывались либеральнѣе разночинцевъ. Либеральные земцы не могли позабыть своего пораженія послѣ освобожденія крестьянъ. Между тѣмъ, они находились въ еще болѣе плачевномъ положеніи, нежели ихъ предшественники „шестидесятники". Имѣнія ихъ были заложены и перезаложены, но уже недостаточно было и ссудъ изъ дворянскаго банка. Сознавалась необходимость общаго переустройства крестьянской и помѣщичьей жизни. Поэтому косность, бездарность и хищничество правительства дѣлали многихъ земскихъ дѣятелей тайными врагами самодержавія. А правительство, зная это, пыталось отнять у земцевъ послѣдніе остатки самоуправленія. Особенно больно отозвалось на земскомъ дѣлѣ стѣсненіе въ распоряженіи земскими сборами (предѣльность земскаго обложенія). Сильную вспышку недовольства вызвало изъятіе ветеринарнаго дѣла изъ рукъ земства. Новымъ ветеринарнымъ правиламъ земства просто не подчинились. Въ большинствѣ же случаевъ земскіе либералы только „протестовали" и „ходатайствовали". Они шли во дворцовыя и министерскія пріемныя, ходатайствуя о дарованіи земству самостоятельности, о всесословности земства. Но правительство не чувствовало за ними никакой силы. За ихъ ходатайства оно грозно на нихъ покрикивало, и земцы прятались. Въ 1894 году тверскіе земцы встрѣтили во дворцѣ очень неласковый пріемъ, и ихъ программа — они ее предлагали правительству въ видѣ ходатайства—была названа „безсмысленными мечтаніями".

Такъ заканчивался періодъ общественнаго движе-

нія, расцвѣтъ котораго былъ въ шестидесятые годы. И хотя раньше конца этого періода сложились новые общественные классы, слои и группы, но они все еще оставались въ состояніи политической неподвижности. И либеральныя традиціи, полученныя земствомъ отъ «шестидесятниковъ», глохли въ затхлой атмосферѣ восьмидесятыхъ годовъ. И надъ всѣмъ этимъ вновь сложившимся разнороднымъ обществомъ стояли: бюрократія, военная знать и правительство. Эта послѣдняя группа была воплощеніемъ самодержавія. Въ ея средѣ уже совершенно отсутствовали либеральные дѣятели. Въ ней подборъ людей шелъ такъ же естественно, какъ и въ другихъ группахъ общества. Полная безотвѣтственность „чиновъ первыхъ четырехъ классовъ“ была раздольемъ для хищниковъ. Одинъ какой-нибудь знатный проходимецъ могъ всяческими средствами выживать другихъ, болѣе честныхъ или дальновидныхъ людей. Здѣсь находили себѣ удовлетвореніе непомѣрные аппетиты прогорѣвшихъ дворянъ, промышленныхъ хищниковъ, вродѣ Кривошеина [1]), и т. д. И вся эта семейка именемъ царя правила народомъ.

А революція, между тѣмъ, была уже не за горами. Но только шла она не изъ земскихъ собраній, а изъ рабочихъ кварталовъ. Массовыя стачки 1896 года положили начало открытому и широкому рабочему движенію. Однако, въ началѣ рабочая масса не сознавала, что ея борьба должна быть прежде всего борьбой противъ самодержавія. Она боролась только противъ своихъ хозяевъ и ставила имъ свои экономическія требованія. Это были требованія о сокращеніи продолжительности рабочаго дня, объ увеличеніи заработной платы. А за этими требованіями, внѣ сознанія массы, таилась потребность соціальнаго (общественнаго) переворота. Массы

[1]) Министръ путей сообщенія временъ Александра III, уличенный въ поставкѣ для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ гнилыхъ шпалъ.

наступали на правящій классъ, разстраивали его хозяйственное благополучіе во имя своего благополучія, грозили наложить свою руку на распоряженіе народнымъ трудомъ. Онѣ, эти рабочія массы, при этомъ сами будили своихъ враговъ—предпринимателей, капиталистовъ. И промышленные капиталисты не замедлили обрушиться на рабочихъ за чинимые ими безпорядки. Посыпались обильныя преслѣдованія: увольненіе за участье въ стачкахъ, усмиреніе полицейской и военной силой. Рабочее движеніе сдѣлало классъ крупныхъ предпринимателей открытымъ и злостнымъ врагомъ рабочихъ.

Въ условіяхъ безправія всего общества разгоралась отчаянная классовая борьба. Положеніе Россіи было чрезвычайно тяжелымъ. Исходомъ изъ него могло быть только народное движеніе противъ самодержавія. Исходъ этотъ не замедлилъ открыться передъ страною. Начался онъ пробужденіемъ интеллигенціи, которая внесла въ рабочую среду зачатки политическаго самосознанія. Завершился этотъ процессъ общественнымъ подъемомъ всей разночинной массы и крестьянства во время японскаго разгрома.

Пробужденіе интеллигенціи было вызвано самимъ же рабочимъ движеніемъ. Но разъ вступивъ на путь историческаго самосознанія, эта часть разночинной демократіи стала все больше и больше отдавать свои силы обслуживанію классовой борьбы пролетаріата. Первые ея шаги были сдѣланы малосознательно и слѣпо, слѣдомъ за рабочимъ движеніемъ. Это былъ періодъ «экономизма». Затѣмъ интеллигенты начали оплодотворять классовую борьбу рабочихъ политическимъ сознаніемъ. Событія шли такимъ порядкомъ. Сначала во главѣ рабочаго движенія стали одиночки изъ разночинцевъ. Они распространяли въ рабочей средѣ идеи научнаго соціализма и положили начало россійской соціалдемократической партіи. Съ 1899 года къ рабочему

движенію открыто примыкаетъ всей массой передовое студенчество. Студенты видятъ въ союзѣ студенческаго движенія съ рабочимъ движеніемъ путь къ общей цѣли—къ освобожденію народа отъ самодержавія; въ этомъ освобожденіи они видятъ единственный способъ разрѣшить вопросъ о свободѣ образованія.

Вскорѣ затѣмъ всколыхнулась и масса интеллигенціи. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Тѣ группы интеллигенціи, которыя живутъ за счетъ правящихъ классовъ и государства, какъ, напримѣръ, инженеры, врачи, учителя, нуждаются для своего благополучія въ благополучномъ и мирномъ теченіи государственной и промышленной жизни. Между тѣмъ, страшный кризисъ, который создавался тяжелымъ положеніемъ рабочихъ и ихъ волненіями, расшаталъ промышленное благополучіе. Только истые хищники могли при такихъ условіяхъ продолжать безмятежно относиться къ выколачиванью изъ рабочихъ непомѣрныхъ прибылей. Мало-мальски дальновидный человѣкъ долженъ былъ тревожиться за будущее и подумывать о переустройствѣ народнаго хозяйства. Становилось ясно, что никакими насиліями не подавить потребностей рабочаго класса. И не менѣе было ясно, что уступки неизбѣжны.

Правящіе классы оказались въ такомъ же положеніи, какъ и дворяне передъ освобожденіемъ крестьянъ: идетъ могучая общественная сила, передъ которой нельзя не отступить; тамъ сельское населеніе вырывается изъ крѣпостничества, тутъ—рабочіе изъ безправія; тамъ, вопреки вождѣленіямъ закоренѣлыхъ крѣпостниковъ, нашлись дальновидные сторонники преобразованій, тутъ—въ противоположность кучкѣ пропромышленныхъ и торговыхъ хищниковъ—выступили съ требованіемъ преобразованія государственнаго строя либеральные земцы и разночинцы.

Литераторы, адвокаты, „пироговскіе“ съѣзды врачей, съѣзды ветеринаровъ и вообще земскіе служащіе

начинаютъ выступать съ требованіями преобразованій. И еще разъ въ первыхъ рядахъ освободительнаго движенія выступаютъ либеральные земцы, а за ними идутъ разночинцы. Съ перваго взгляда кажется, будто бы либеральное земское движеніе той поры не имѣетъ никакой связи съ рабочимъ движеніемъ. Но несомнѣнно, что тогдашніе земскіе дѣятели чувствовали въ рабочемъ движеніи свою опору. Они только не могли выступать показными защитниками интересовъ рабочихъ и ссылаться на нихъ въ своихъ ходатайствахъ правительству,—иными словами, открыто опираться на рабочее движеніе. Это объясняется тѣмъ, что земства не смѣли высказываться по вопросамъ „не мѣстнымъ“ И явной опорой для нихъ могло быть только крестьянское движеніе, крестьянскій вопросъ. Въ немъ они могли прямо отстаивать свои земскія, землевладѣльческія нужды. И крестьянское движеніе не заставило себя долго ждать. Именно въ эту пору рабочее движеніе уже находитъ себѣ отголосокъ въ крестьянствѣ. Не даромъ рабочіе въ Россіи не теряютъ связи съ деревней. Разночинцы также несутъ въ деревню соціалистическую пропаганду и требованіе дарового надѣла крестьянъ землей. Въ то же время голодная нужда крестьянскихъ семей и алчность помѣщиковъ говорятъ убѣдительнѣе всякихъ „агитаторовъ“. Крестьяне начинаютъ волноваться. Крестьянскій вопросъ обостряется. И вотъ еще въ маѣ 1902 года собирается въ Москвѣ съѣздъ земскихъ дѣятелей. Онъ требуетъ: 1) равноправія крестьянъ въ правовомъ отношеніи, въ виду того, что „вопросъ сельскаго хозяйства въ значительной мѣрѣ сводится къ вопросу крестьянскому“; 2) общедоступности начальнаго образованія и расширенія школьной программы, въ виду того, что отъ этого „зависитъ успѣхъ во всѣхъ видахъ промышленности“; 3) уравненія сословій въ земскомъ представительствѣ, самостоятельности земства и сближенія земства съ сельскимъ на-

селеніемъ; 4) облегченія податей; 5) гласности, которая необходима для процвѣтанія страны.

Затѣмъ въ іюлѣ 1902 года земскіе либералы основали за-границей свой нелегальный журналъ „Освобожденіе". На съѣздахъ и въ печати они отстаивали необходимость дарованія Россіи реформъ и до поры до времени вели за собою „интеллигентную" часть разночинной демократіи. Въ то же время росло и сближеніе революціонной интеллигенціи съ массами. И несомнѣнно, это сближеніе сыграло немалую роль въ развитіи и подъемѣ революціонныхъ силъ рабочихъ массъ и крестьянства. Къ сожалѣнію, эту роль его своевременно оцѣнило правительство и приняло всѣ мѣры къ разобщенію интеллигенціи отъ массъ. Это называлось преслѣдованіемъ «преступныхъ агитаторовъ». Полицейскія мѣры страшно стѣсняли успѣхъ пропаганды и агитаціи. Но полицейскій гнетъ не былъ единственной причиной малой успѣшности политической борьбы рабочихъ противъ существующаго строя. Второй такой причиной—и едва ли не главнѣйшей—была неподвижность широкихъ массъ разночинной (городской) демократіи и, наконецъ, крестьянства.

Дѣйствительно, городскія и крестьянскія массы до поры до времени не принимали сознательнаго участья въ политическомъ движеніи.

Въ эту именно пору разразилась японская война. Она пришла разбудить разночинную демократію и крестьянство къ политической жизни.

Чудовищность самодержавнаго строя должна была привести Россію къ крушенію, и она привела ее къ японской войнѣ. Эта война сразу обнаружила негодность стараго порядка. Народъ увидалъ, что „священная и неприкосновенная" верховная власть Россіи на самомъ дѣлѣ находится въ рукахъ сановныхъ проходимцевъ. Уже министры Сипягинъ и Плеве подготовляли почву для свободнаго разгула знаменитыхъ „дѣя-

телей“ по закупкѣ и арендѣ корейскихъ лѣсовъ—Безобразова и др., чѣмъ и была вызвана, какъ извѣстно, война съ Японіей. При Сипягинѣ и Плеве преслѣдовались даже такіе умѣренные политики, какъ Д. Н. Шиповъ и М. А. Стаховичъ Въ то же время упразднялся всякій контроль надъ дѣйствіями „особъ первыхъ четырехъ классовъ“. Въ вѣнцѣ власти были собраны „алмазы чистѣйшей воды“. И начался такой разгулъ хищеній, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ прежнія „чудеса“ самодержавнаго порядка, какъ то: интендантскія кражи турецкой кампаніи, продѣлки съ башкирскими землями при Царѣ-Освободителѣ и т. д. Лица, занявшіяся корейскими лѣсами, не постѣснялись распорядиться арміей и флотомъ для своей надобности, т. е. вызвать войну. Вскорѣ дѣянія этихъ господъ раскрылись передъ глазами народа. Разночинная масса отшатнулась отъ самодержавнаго правительства и отказалась отъ вѣры въ священные устои русской жизни.

Это была первая и глубокая трещина въ однородномъ политическомъ тѣлѣ Россіи. Затѣмъ въ ходѣ войны послѣдовалъ и другой разрывъ въ тѣлѣ націи. Война заставила народъ ясно почувствовать классовую перегородку между верхами классоваго общества и демократіей. Сказалось это на отношеніи тѣхъ и другихъ къ войнѣ. Оказалось, что даже и либералы смотрѣли на нее не глазами народной массы. Несмотря на очевидную преступность всей этой дальне-восточной затѣи, столпы земскаго слова и земскаго дѣла находили позорнымъ для себя и для народа бить въ этой войнѣ отбой, требовать немедленнаго заключенія мира. Поэтому первыя пораженія флота и арміи были днями новаго расцвѣта славы и силы правительства у себя дома, въ Россіи. «Патріотическій» пылъ охватилъ либеральное общество.

Не снесла этого напряженія и возбужденія народная Россія, до того времени спаянная отъ главы до низовъ

преданіями и привычками старины. Разорвалась народная масса и прежде всего разорвалась между слоемъ либеральныхъ верховъ и рабочими массами. Въ сознательной части рабочей среды раздалось требованіе прекратить войну. Правительство побоялось обнаружить передъ глазами Европы опасную щель въ громадномъ тѣлѣ государства и сдѣлало попытку замазать ее „патріотическими манифестаціями“ изъ полиціи и хулигановъ. Но даже изъ-за границы разглядѣли въ этихъ манифестаціяхъ обманъ и комедію, а на глазахъ самого народа разрывъ его съ правящими слоями общества со дня на день увеличивался. Образовались два враждебные стана: сознательная часть рабочихъ и разночинцевъ, съ одной стороны, и „патріоты“ — съ другой. Либеральный лжепатріотизмъ, безъ сомнѣнія, разнился отъ черносотеннаго, но еще дальше онъ отстоялъ отъ народнаго горя и негодованія. Раздѣленіе народа на два враждебные лагеря было вѣрно отмѣчено друзьями и слугами правительства, когда они клеветали на революціонеровъ и на сознательныхъ рабочихъ, попрекая ихъ подкупомъ на японскія деньги. Эта масса, дѣйствительно, оторвалась отъ старой Россіи, хотя, конечно, только затѣмъ, чтобы создать новую Россію, а не предаться Японіи.

За первой трещиной въ тѣлѣ русскаго самодержавнаго царства пошли и другія. Первое время крестьянская масса страдала и недоумѣвала. Но наконецъ зароптала и она. Священная связь народа съ самодержавіемъ обрывалась. Очередь въ этомъ пробужденіи народа была за массой разночинцевъ. «Интеллигентные пролетаріи» были, конечно, на сторонѣ рабочей массы. Зато остальная разночинная масса не сразу всколыхнулась. Ея умственная пища состояла изъ либеральныхъ газетъ, прошедшихъ притомъ строгую цензуру правительства. Граница имперіи была плотно закрыта для европейской печати. А заграничный журналъ

„Освобожденіе“ скорѣе затемнялъ ясность политическаго сознанія демократіи своимъ „патріотизмомъ“. Маленькіе и средніе люди городовъ и подавно не осязали своими руками неприглядной правды этой войны. Но послѣдствія военныхъ разгромовъ пошатнули всѣ дѣла. А такъ какъ городъ отдавалъ войнѣ жертвы кровью и деньгами, то и городъ почувствовалъ „цѣну“ войны. Такъ что, наконецъ, и онъ сталъ глухо требовать отъ правительства отчета и расплаты. Это было пробужденіе всей массы демократіи.

Теперь, послѣ войны, на одной сторонѣ стояла реакціонная знать и бюрократія, на другой сторонѣ—революціонно настроенный пролетаріатъ и разночинная демократія. При такомъ положеніи дѣлъ однѣ только либеральныя группы способны были питать иллюзіи о мирномъ ходѣ предстоящей политической ломки. Столкновеніе непримиримо враждующихъ сторонъ становилось неизбѣжно, и правительство должно было напрягать невѣроятныя усилія для того, чтобы отодвинуть, оттянуть моментъ развязки. И вотъ оно, съ одной стороны, всѣми силами старалось удержать разночинцевъ отъ сближенія съ пролетаріатомъ, съ другой стороны, пыталось втиснуть пролетарское движеніе въ узкое русло „экономической борьбы“. Оно хотѣло сдержать выходящій изъ береговъ потокъ рабочаго движенія такъ называемой „зубатовщиной“, а на разночинцевъ воздѣйствовало репрессіями. Для достиженія первой цѣли оно выдвинуло своихъ агентовъ на роли вождей рабочихъ массъ. За знаменитой зубатовщиной слѣдовали подвиги Шаевича среди одесскаго пролетаріата. Агенты правительства организовали массу для борьбы за ея экономическое благосостояніе. Они брались руководить соціальнымъ движеніемъ рабочаго класса. И изъ этой затѣи вышло именно то, что должно было выйти: движеніе разросталось и переходило въ громадныя стачки. Такія послѣдствія рабочей

политики правительства вооружали противъ него капиталистическіе классы буржуазіи. Для разночинной же массы пролетарское движеніе тѣмъ болѣе становилось магнитомъ. Разночинцы устремились въ соціалдемократическую партію. За ними къ рабочимъ массамъ потянулись и либералы, но, конечно, не съ проповѣдью революціоннаго марксизма. Ихъ цѣлью было подчинить себѣ рабочія массы и подготовить себѣ руководящую роль въ предстоящемъ переворотѣ. Лѣтомъ 1903 г. заявила о своемъ существованіи политическая группа „Союзъ Освобожденія", русское отдѣленіе заграничной группы „Освобожденія". Она поставила себѣ цѣлью руководить массами. Въ Петербургѣ и Одессѣ ею были основаны рабочіе кружки и распространялись прокламаціи. Но золотыя горы, которыя группа сулила рабочимъ въ конституціонной монархіи, не обманули соціальнаго разсудка рабочихъ. „Освобожденцы" политически прозябали.

Зато соціалдемократія разросталась. И вотъ власти принимаются ревностно „удерживать" разночинцевъ отъ сближенія съ массами. Планъ этотъ приводится въ исполненіе временщикомъ Плеве, который жестоко преслѣдуетъ соціалдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, гонитъ изъ деревни земскихъ тружениковъ, ссылаетъ студентовъ и даже „людей съ общественнымъ положеніемъ".

Вскорѣ этотъ фанатикъ полицейской расправы былъ убитъ. А всѣ усилія его пропали даромъ. Обманъ не укротилъ рабочаго движенія, насилія не сдержали броженія среди демократіи. Правительству нужно было придумывать что-нибудь другое для упроченія своего вліянія. Оно попыталось достигнуть этого политикой послабленій обществу. „Зубатовское" попеченіе было перенесено на буржуазную демократію и на земство. „Зубатовскимъ" слѣдуетъ назвать это „попеченіе" потому, что въ немъ не было искренняго желанія итти на

уступки. Какъ прежде рабочимъ, такъ теперь „обществу", разрѣшено было толковать о его особыхъ нуждахъ. А въ то же время репрессіи противъ рабочаго движенія были усилены. Правительство перемѣнило тактику: репрессіи обильно посыпались на пролетаріатъ, а разночинцы были обласканы зубатовщиной. Но смыслъ этой тактики былъ тотъ же—разобщеніе демократіи отъ пролетаріата и попытка удержать за собою исключительное право обслуживанія государственныхъ нуждъ. Всякое обращеніе „общества" или отдѣльныхъ лицъ къ массамъ по-прежнему преслѣдовалось, какъ „агитація". Тѣмъ самымъ дѣйствительно замедлялось сближеніе буржуазной демократіи съ рабочимъ классомъ, но зато открывалась полная возможность союза либерально-демократическаго. И онъ тотчасъ же расцвѣлъ.

Преемникъ Плеве, Святополкъ-Мирскій, заговорилъ о своемъ „искренно-благожелательномъ и искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще". И только. Но земскіе либералы, а за ними и передовые разночинцы не поняли политики правительства или находили выгоднымъ для себя толковать эту политику по своему. Они привѣтствовали политическую „весну", засыпали новаго министра адресами довѣрія, прося о взаимномъ довѣріи къ себѣ, и призывали его призвать ихъ къ дѣлу государственнаго преобразованія. Словомъ, разночинцы въ союзѣ съ либеральными земцами заговорили языкомъ „шестидесятниковъ". Имъ казалось, что повторяются дни „эпохи великихъ реформъ", дни „великаго призванія" либераловъ. Имъ казалось, что теперь, какъ и тогда, „революціоннаго народа нѣтъ" въ Россіи. Объ этомъ громогласно заявилъ въ ораторской рѣчи въ Парижѣ и со страницъ „Освобожденія" П. Струве. „Революціоннаго народа у насъ нѣтъ, но есть народныя нужды, которыя можетъ утолить только реформа",—заявляли либеральные ораторы политическихъ собра-

ній, такъ называемыхъ „банкетовъ“ 1904 года. Къ этому они въ поясненіе прибавляли: не реформ*ы*, а реформ*а*, т. е. коренное переустройство Россіи. И вотъ, подражая своимъ предшественникамъ, „шестидесятникамъ“, они выступали заступниками народа и призывали „революцію сверху“. Если бы ихъ разсчеты оправдались, если бы они были „призваны“, „реформа“ сдѣлалась бы новой побѣдой либеральной партіи. Возможно ли это было?—На этотъ разъ—нѣтъ. Правительству было не по силамъ дѣйствительное разрѣшеніе неотложныхъ задачъ рабочаго и крестьянскаго вопроса, и оно не думало о дарованіи народу гражданскихъ и политическихъ правъ. А стало быть, ему и не было надобности мѣнять провокаторовъ Зубатова и Шаевича на либеральныхъ министровъ. Оно только обманывало либераловъ, какъ обманывало и рабочихъ. Такъ что совершенно напрасно либеральные ораторы и писатели ведутъ исчисленіе дней „революціи“ со времени своихъ пресловутыхъ банкетовъ. „Революція стала сама собой тогда, когда получила свой собственный, оригинальный обликъ, а это стало возможнымъ лишь тогда, когда на первый планъ ея властно выступилъ новый революціонный классъ, фабричный пролетаріатъ“ [1]). Такъ было дѣло въ Парижѣ въ 1849 году, такъ было и въ Петербургѣ въ началѣ русской революціи. Но либералы даже и въ концѣ 1904 года не предвидѣли такого поворота въ ходѣ событій. Они спѣшили сами стать во главѣ ихъ. Въ ноябрѣ 1904 г. они собрались въ Петербургѣ на общеземскій съѣздъ, назначенный „организаціоннымъ бюро земскихъ съѣздовъ“ [2]). Святополкъ-Мирскій колебался разрѣшить этотъ съѣздъ, но въ концѣ концовъ съѣздъ состоялся

---

[1]) Карлъ Марксъ. „Классовая борьба во Франціи“. Перев. подъ ред. Кричевскаго, изд. „Буревѣстникъ“, стр. 58.

[2]) Оно существовало со времени земскаго съѣзда 1902 г.

при попустительствѣ со стороны властей. Постановленія этого съѣзда—настоящій символъ вѣры русскихъ „либераловъ—ноябристовъ“ — вскорѣ сталъ широко извѣстенъ въ Россіи и заграницей. Его основныя положенія слѣдующія. Правительство разобщено съ обществомъ. Отсюда возникъ произволъ бюрократіи. Поэтому необходимо ввести цѣлый рядъ умѣренныхъ преобразованій и обезпечить гражданскую свободу; объ этомъ говорится подробно въ 9 пунктахъ. Десятый пунктъ говоритъ объ участіи народныхъ представителей въ законодательствѣ, въ установленіи росписи расходовъ и доходовъ и въ надзорѣ за дѣйствіями администраціи. При этомъ меньшинство съѣзда не рѣшилось требовать права составлять роспись и держать подъ отчетомъ управленіе страной. Одиннадцатый пунктъ призываетъ верховную власть совершить эту реформу.

Но даже и эта умѣренная программа не могла объединить всѣхъ земскихъ дѣятелей съѣзда, а тѣмъ болѣе—всего земства. Участникамъ съѣзда пришлось скромно назвать его частнымъ совѣщаніемъ. Однако скромность ихъ была награждена. Они отказались отъ солидарности съ классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, зато пріобрѣли солидарность широкихъ круговъ демократіи. Осанна либеральному съѣзду провозглашалась въ разныхъ городахъ Россіи въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ. На либеральныхъ требованіяхъ объединялись всѣ. „Ноябристы“ просили у монарха добровольныхъ уступокъ, и подъ ихъ просьбой подписывались демократы различныхъ званій и родовъ занятія. Либералы имѣли въ виду въ своихъ 11 пунктахъ не народъ, а „общество“, и все поднялось съ ходатайствами отъ имени и во имя „общества“. Стократнымъ эхо раскатились по Россіи знаменитые одиннадцать пунктовъ. Однимъ изъ такихъ откликовъ было постановленіе собранія инженеровъ 5-го декабря того же года. Это было

буквально такое же изложеніе правъ общества, но только—во имя промышленности. При этомъ демократы говорили нѣсколько рѣзче: они пришли къ „глубокому убѣжденію“, что необходимъ „немедленный созывъ представителей народа“. Но ни тамъ, ни здѣсь не говорилось ни слова о томъ, кто именно и въ какой мѣрѣ долженъ пользоваться избирательными правами.

Такое сочетаніе политическихъ силъ создалось въ послѣдніе дни передъ революціоннымъ пожаромъ.

Разбуженная войной и оторванная властями отъ городскихъ массъ, разночинная демократія пошла за либералами. Либералы торжествовали. Они теперь надѣялись на мирный ходъ «реформированья» государственнаго строя. Иллюзіи ихъ были разбиты январскимъ подъемомъ рабочихъ массъ, причемъ 9-е января, заставило либераловъ отказаться отъ надежды на повтореніе „эпохи великихъ реформъ“. Революція 1905 г. началась какъ революція массъ, какъ „революція снизу“. И это январское откровеніе революціи лишило либераловъ не только иллюзій: оно лишило ихъ политическаго союзничества разночинной демократіи. Дѣйствительно, разночинцы пошли за ноябрьскими призывами либераловъ только потому, что ноябрьское постановленіе либеральныхъ земцевъ было первымъ открытымъ словомъ призыва къ перевороту. Но оно осталось у либераловъ и послѣднимъ словомъ призыва съ ихъ стороны къ движенію впередъ. Два мѣсяца спустя новая сила, пролетарская масса, начала увлекать впередъ русское „общество“. Съ той поры у либераловъ уже не являлось желанія призывать съ своей стороны къ натиску. Они стали провозглашать „борьбу на два фронта“. Но разночинная демократія даже и въ декабрѣ уже не вполнѣ точно воспроизводила въ своихъ постановленіяхъ (резолюціяхъ) всю „деликатность“ ихъ ноябрьскаго ходатайства за народъ: она выражалась прямѣе и рѣзче. А въ январѣ 1905 года вдругъ, неожиданно для

либераловъ, въ Россіи оказался „революціонный народъ“. Отдѣлы „Петербургскаго Общества рабочихъ“ двинули 9 января рабочую массу столицы на путь „свободы или смерти“. Толпой руководилъ священникъ Гапонъ, а въ то же время классъ русскихъ пролетаріевъ всей массой своей поворачивалъ въ сторону давняго своего руководителя—соціалдемократіи. И вотъ послѣ 9 января 1905 года все перемѣстилось на политической сценѣ Россіи. Разночинная демократія круто повернула въ сторону рабочихъ массъ, и все закружилось въ водоворотѣ революціи. Все—до правительства включительно, „ибо и почва контръ-революціи революціонна“. И правительство въ своей борьбѣ съ силами революціи сдѣлалось открыто партійнымъ и пустило въ ходъ „незаконныя“, революціонныя средства борьбы. Но теперь изолированной правительственной реакціи противостояли двѣ главныя силы городского населенія—пролетаріатъ и разночинная демократія. И столкновеніе ихъ привело къ потрясенію основъ государственнаго строя. Какъ и почему,—объ этомъ разскажетъ исторія перваго полугодія 1905 года.

ГЛАВА II.

СОЮЗЫ.

9 января — 17 октября.

„Мы говорили, пока была хотя тѣнь надежды, что насъ услышатъ. Теперь эта надежда отнята, и мы должны искать другого пути. Мы должны дѣйствовать, какъ кто умѣетъ и можетъ, какъ кто способенъ или считаетъ нужнымъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, какъ угодно, — но дѣйствовать.

„Всѣ средства теперь законны противъ страшной угрозы, заключающейся въ самомъ фактѣ дальнѣйшаго существованія настоящаго правительства: и всѣ средства должны быть испробованы.

„Мы обращаемся ко всѣмъ общественнымъ группамъ, партіямъ, союзнымъ организаціямъ, частнымъ кружкамъ, ко всему, что есть въ народѣ живого и способнаго отозваться на боль, на грубый ударъ, — и мы говоримъ: всѣми силами, всѣми мѣрами добивайтесь немедленнаго устраненія захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ея мѣсто Учредительное Собраніе, избранное народомъ на основаніи всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго голосованія для всѣхъ гражданъ безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, чтобы оно могло какъ можно скорѣе покончить съ войной и господствующимъ до сихъ поръ политическимъ режимомъ“.

Такъ призывали народъ къ революціи въ концѣ

мая 1905 г. представители разночинной демократіи на „делегатскомъ съѣздѣ Союза союзовъ". А десять дней позже делегаты съѣзда „земскихъ и городскихъ дѣятелей" обратились къ главѣ государства и правительства съ адресомъ, который заканчивался словами: „Не медлите, Государь. Въ страшный часъ испытанья велика Ваша отвѣтственность передъ Богомъ и Россіей".

Это былъ моментъ, когда вся страна содрогнулась отъ удара Цусимскаго разгрома. Хозяева земли русской додѣлывали свое славное дѣло японской войны. На замѣну потопленной Тихоокеанской эскадрѣ Петербургское правительство послало никуда негодный Балтійскій флотъ. Къ серединѣ мая 1905 года онъ дошелъ до береговъ Японіи и былъ уничтоженъ первымъ же натискомъ Японской эскадры у острова Цусимы. Всевластной волей брошены въ океанскую бездну новыя тысячи рабовъ долга, новыя жертвы преступленія властей, и Россія очнулась на этотъ разъ совершенно. Очнулось все, „что есть въ народѣ живого и способнаго отозваться на боль, на грубый ударъ".

Приведенная выше выдержка изъ постановленія „Союза союзовъ" показываетъ состояніе разночинной массы народа. Представители различныхъ союзовъ подписались подъ открытымъ призывомъ къ революціи. Они обратились съ нимъ къ народу. Земскіе и городскіе дѣятели тоже сказали свое слово. Это было самое рѣзкое слово, высказанное когда-либо до и послѣ этого съѣзда представителями земствъ и городовъ. И они пошли съ адресомъ къ царю. Цусимскій ударъ поднялъ массу разночинцевъ на высоту революціи. Часть этой массы съ мая по октябрь не отступала изъ первыхъ рядовъ революціоннаго народа, и эта часть вела за собой всю разночинную массу. Тотъ же ударъ поднялъ дѣятелей земствъ и городовъ до высшей точки ихъ выступленія противъ правительства. Либеральная земщина поднялась на гребень волны своего противо-

правительственнаго возмущенія. Адресъ царю, принесенный во дворецъ 6 іюня 1905 года, былъ самымъ громкимъ крикомъ жалобы, на который только были способны жрецы городского и сельскаго капитала и крупнаго землевладѣнія.

Послѣдующія уступки правительства и революціонныя вспышки въ средѣ народа были для тѣхъ и другихъ камнями преткновенія на ихъ политическомъ пути.

Многіе изъ дѣятелей запнулись за нихъ, и всѣ вообще понизили свои политическія требованія, но всѣ они были безвозвратно потеряны для самодержавія. Въ траурный день Цусимы умерла Россія, покорная самодержавію, и зародилась Россія конституціонная. И все это завершилось между 9 января и 14 мая, между „побѣдой" царскихъ войскъ на петербургскихъ улицахъ и пораженіемъ царскаго флота въ японскихъ водахъ.

Въ это неполное полугодіе буржуазная демократія Россіи познала самое себя и сплотилась. Но какъ сплотилась? Съ недовѣрчивой оглядкой, неувѣренная въ своихъ силахъ, уступчивая изъ боязни.

Въ то же время капиталистическія группы буржуазіи—земскіе и городскіе дѣятели — объединились обособленно отъ разночинной массы на земскихъ и городскихъ съѣздахъ. Онѣ объединились въ общій съѣздъ,— общій для представителей сельскаго и городского капитала, независимо отъ „рода оружія" того и другого воинствующаго капитала. Помѣщики, эти воители хлѣбнаго вывоза, подали руку героямъ варшавской, лодзинской мануфактуръ, москоскимъ купцамъ, петербургскимъ биржевикамъ и т. д. Такова сила революціи. Борьба въ представительныхъ учрежденіяхъ мирнаго времени приводитъ къ тому, что „братъ", вооруженный плугомъ, вѣялкой, молотилкой, возстаетъ на „брата", орудующаго заводскими и фабричными станками, и „царство"

потертаго аршина идетъ на „царство“ ростовщическихъ векселей. Но революція въ извѣстный моментъ объединяетъ ихъ всѣхъ для общей борьбы противъ правительства. Первое полугодіе россійской революціи объединило „братьевъ“ буржуазной семьи. Со второго полугодія началось разслоеніе населенія на партіи. Ко дню Цусимы исторія Россіи уже безповоротно рѣшила вопросъ: кто за революцію, кто противъ нея.

9 января петербургская рабочая масса объединилась на общихъ политическихъ требованіяхъ. Это дало новый толчекъ разночинной демократіи. Она перестала рабски слѣдовать за колесницей героевъ „земскаго ноября“. Она пошла своимъ путемъ, заговорила своимъ языкомъ. За мѣсяцъ до „кроваваго воскресенья“ „собраніе инженеровъ всѣхъ спеціальностей“ требовало только участья общества въ законодательной работѣ. А тотчасъ послѣ „кроваваго воскресенья“ записка 198 инженеровъ, подписанная восьмьюстами, уже выступаетъ прямо въ защиту правъ рабочаго класса. Буржуазная демократія въ лицѣ инженеровъ становится на сторону рабочаго класса. Инженеры, образовавъ „союзъ инженеровъ и техниковъ“, дѣятельно работаютъ надъ основаніемъ „Союза союзовъ“, получаютъ отъ учредителей Союза союзовъ особыя полномочія, устраиваютъ „Центральное Бюро Союза союзовъ“, которое направляетъ дѣйствія объединенной разночинной демократіи. И что же говорятъ эти „вожди демократіи“ „въ запискѣ 198 о побудительныхъ причинахъ ихъ выступленія? Они говорятъ, что не въ моготу жить разночинной демократіи, занятой въ промышленности, если плохо живется рабочему классу. По ихъ словамъ, создались „тягостныя, невыносимыя условія для инженеровъ и техниковъ, работниковъ на разныхъ поприщахъ промышленности“. И прибавляютъ: „Мы не увѣрены въ томъ, что ближайшее будущее не грозитъ промышленности и ея работникамъ еще болѣе сильными потрясеніями, чѣмъ

переживаемыя нынѣ... Мы опасаемся, что отечественная промышленность, нынѣ и безъ того находящаяся въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, можетъ быть поставлена въ безвыходное положеніе, при которомъ участіе въ ней капитала и интеллигентнаго труда сдѣлается совершенно невозможнымъ". Таковы были лишенныя либеральныхъ прикрасъ побужденія разночинной демократіи.

Союзъ инженеровъ открывалъ политическій походъ разночинцевъ. За нимъ слѣдовали другія группы, возникали другіе союзы. Однимъ изъ первыхъ возникъ „Академическій (профессорскій) союзъ." Онъ образовался до „кровавого воскресенья", подъ солнышкомъ либеральнаго съѣзда, и всегда оставался только либеральнымъ, былъ ядромъ на ногѣ розночинной демократіи. Другіе союзы основались послѣ 9 января. Въ февралѣ союзъ конторщиковъ и бухгалтеровъ; въ мартѣ—союзъ учителей и дѣятелей по народному образованію, союзъ для достиженія полноправія еврейскаго народа въ Россіи, союзъ медицинскаго персонала и союзъ ветеринаровъ; въ апрѣлѣ—союзъ фармацевтовъ, союзъ учителей средней школы, союзъ россійскихъ писателей, союзъ равноправія женщинъ, союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ и союзъ агрономовъ и статистиковъ. Къ тому времени, когда самодержавное правительство ставило на карту войны остатки своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, т. е. къ днямъ Мукдена и Цусимы, буржуазная демократія уже заканчивала мобилизацію своихъ профессіональныхъ дружинъ. Она конспирировала противъ правительства среди бѣлаго дня, потому что чувствовала подъ собою горячую почву пролетарскаго движенія. Но ея масса не вся шла охотно и горячо. Ее велъ „вождь". И только за этимъ вождемъ шли пестрые полки разнообразныхъ союзовъ. Этимъ вождемъ былъ Союзъ союзовъ или, говоря точнѣе, Центральное Бюро Союза союзовъ.

Центральное Бюро Союза союзовъ образовалось въ день „кроваваго воскресенья.“ Дѣятельные представители различныхъ союзовъ собрались въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Они же отправили депутацію къ Витте и выпустили обращеніе къ войскамъ и народу. Они же основали Союзъ союзовъ и его Бюро. Когда всѣ указанные выше союзы основались, былъ созванъ 8 и 9 мая въ Москвѣ съѣздъ представителей этихъ союзовъ. На съѣздѣ присутствовали 60 представителей отъ 13 перечисленныхъ выше союзовъ, а также отъ союза земцевъ-конституціоналистовъ.

Этотъ первый съѣздъ былъ созванъ усиліями лицъ, которые стремились къ тѣсному объединенію разночинной Россіи въ формѣ „Союза союзовъ.“ Но разночинная демократія была слишкомъ пестра въ общественномъ отношеніи. И Союзу союзовъ предстояло быть Ноевымъ ковчегомъ на волнахъ революціоннаго потопа. Уже отдѣльные союзы охватывали такихъ разнородныхъ представителей общества, какъ начальники желѣзнодорожныхъ службъ и кочегары.

Желѣзнодорожный союзъ, напримѣръ, заявлялъ въ постановленіи объ учрежденіи съѣзда, что „контингентъ (т. е. составъ) служащихъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ охватываетъ массу лицъ самыхъ разнообразныхъ служебныхъ положеній и не однородныхъ по соціальному составу (рабочіе, машинисты, инженеры, служащіе въ управленіяхъ и т. д.).“ При всемъ томъ, цѣлью союза было именно объединить въ общихъ политическихъ требованіяхъ все это разнообразіе лицъ, положеній и состояній. Тѣмъ болѣе трудна была задача тѣснаго объединенія союзовъ между собой. Надо было поставить во взаимную зависимость величественныхъ профессоровъ академическаго союза со скромными конторщиками, всевозможныхъ желѣзнодорожныхъ „начальниковъ“—съ тружениками—„подчиненными.“ Объединеніе шло туго. Отдѣльные союзы, посылая своихъ делегатовъ

на съѣздъ, не позволяли имъ связывать себя подчиненіемъ Союзу союзовъ. Недовѣріе болѣе умѣренныхъ къ болѣе рѣшительнымъ демократамъ превратилось въ недовѣріе къ Союзу союзовъ. Противодѣйствіе отдѣльныхъ союзовъ тѣсному объединенію ихъ въ Союзѣ союзовъ, отозвалось на формѣ объединенія. Союзъ союзовъ былъ признанъ объединеніемъ на основѣ широкой самостоятельности частей (федеративный союзъ автономныхъ союзовъ). При голосованіяхъ на съѣздахъ рѣшено было давать по одному голосу каждому отдѣльному союзу. „Ноевъ ковчегъ“ рисковалъ сѣсть на мель при такомъ нескладномъ размѣщеніи его обитателей. Но революція взяла свое. Необходимость быстро и рѣшительно дѣйствовать заставила союзы дать большія полномочія Центральному Бюро. Уставъ гласилъ: „Центральное Бюро есть учрежденіе, дѣйствующее постоянно.... Въ чрезвычайныхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ Ц. Б. уполномачивается дѣйствовать самостоятельно, представляя докладъ ближайшему собранію делегатовъ, т. е.—съѣзду.

На дѣлѣ же было предоставлено союзу инженеровъ организовать временное Центральное Бюро въ Петербургѣ до утвержденія устава всѣми союзами. Такимъ образомъ, руководство союзами оставалось въ рукахъ наиболѣе дѣятельныхъ лицъ, которыя сумѣли привести ряды разночинной демократіи къ стройному выступленію въ дни Цусимы. Они же и созвали экстренный майскій съѣздъ, давшій смѣлый призывъ къ революціи. Кромѣ того, самое объединеніе союзовъ на общихъ политическихъ требованіяхъ заставляло болѣе отсталые союзы слѣдовать за передовыми. Примѣръ и гражданская честь дѣлали свое дѣло. За болѣе передовыми союзами и отсталые принимали демократическое требованіе Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго избирательнаго права и прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Словомъ „работники на разныхъ по-

прищахъ промышленности“ въ своей борьбѣ противъ „тягостныхъ, невыносимыхъ условій“ дружно подхватывали пролетарскія требованія. И надъ утопающими обломками флота, надъ отступающими остатками мукденской арміи раздался демократическій призывъ: „устраните разбойничью шайку“! Это „якобинцы“ русской революціи говорили именемъ разночинной демократіи.

Въ то же время „жирондисты“ капиталистической землевладѣльческой буржуазіи старались связать въ политическій союзъ земщину и городскихъ дѣятелей. Къ днямъ Цусимы это наладилось. Объединеніе городскихъ и земскихъ дѣятелей выразилось въ рядѣ всероссійскихъ съѣздовъ. Но объединеніе это оказалось очень непрочнымъ, какъ легко видѣть изъ обзора исторіи ихъ созывовъ. Начались общерусскіе земскіе съѣзды еще съ мая 1902 года. „Организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ“, созданное первымъ съѣздомъ 1902 года, созывало и послѣдующіе съѣзды земцевъ и, между прочимъ, знаменитое ноябрьское совѣщаніе 1904 года. Но душой земскихъ, а потомъ земско-городскихъ съѣздовъ, было не это бюро. Оно для этого было слишкомъ пестро по составу: въ него наряду съ земскими либералами входили полукрѣпостники, предводители дворянства и т. д. Дѣйствительнымъ руководителемъ земско-городского объединенія былъ союзъ земцевъ-конституціоналистовъ. Этотъ союзъ существовалъ съ 1903 года и устраивалъ свои съѣзды. Онъ былъ очень малочисленъ, и члены его были чистой крови земскіе либералы. За союзомъ конституціоналистовъ на земско-городскіе съѣзды поплелись и члены Союза Освобожденія. Послѣдній выступилъ впервые почти одновременно съ союзомъ конституціоналистовъ въ 1903 году, и у него были даже общіе члены съ этимъ послѣднимъ. Но самъ онъ былъ смѣсью разночинцевъ съ либеральными земцами. Такое демократическое происхожденіе сначала дѣ-

лало его разборчивымъ въ личныхъ связяхъ. Однако, послѣ неудачныхъ походовъ въ рабочую массу съ буржуазной программой, онъ долженъ былъ рѣшиться на сближеніе съ земщиной и думцами. И члены его пошли на земско-городскіе съѣзды. Защитники этого союза говорятъ, что цѣль его была „объединять всѣ общественныя силы“, и утверждаютъ, что онъ не могъ включать въ свою среду представителей отсталаго „либерализма въ духѣ Шипова или Гучковыхъ.“ [1]) Да, Шиповъ и Гучковы не входили въ Союзъ Освобожденія, но освобожденцы, вмѣстѣ съ Шиповымъ и Гучковымъ, входили въ земско-городской союзъ и подчинялись рѣшеніямъ его съѣздовъ. Разборчивость Союза Освобожденія сказалась только въ томъ, что послѣ „Цусимскаго съѣзда“, освобожденцы втайнѣ каялись [2]) въ постыдности рѣшеній этого съѣзда. Говорятъ, что конституціоналисты и освобожденцы, по крайней мѣрѣ, вели за собой массу земщины и городскихъ гласныхъ. Но, спрашивается, кто кого велъ, когда съѣзды выносили свои постановленія о совѣщательномъ характерѣ Государственной Думы, о двупалатной системѣ представительства, объ адресахъ и ходатайствахъ?

Въ концѣ концовъ, „Шиповъ и Гучковы“ и до и послѣ сближенія съ конституціоналистами умѣли ходить на своихъ ногахъ.

Шиповъ сумѣлъ быть „крамольникомъ“ при Плеве, Гучковы отваживались прислуживаться Дубасову въ дни московскаго возстанія.

Гдѣ же благодѣтельная роль конституціоналистовъ на земскихъ и городскихъ съѣздахъ? Земщина и городскіе капиталисты шли на съѣзды и выступали на съѣздахъ своей дорогой. Ихъ гнала революція, которая надвигалась изъ рабочихъ кварталовъ, а не завлекали апо-

---

[1]) „Земское и городское движеніе“. Л. Гуревичъ. Спутникъ избирателя.

[2]) На съѣздѣ конституціоналистовъ 9—10 іюля 1905 г.

столы конституціи. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, надо вспомнить нѣкоторыя подробности земско-городского движенія за разсматриваемое полугодіе до Цусимы.

Въ то время, какъ Союзъ союзовъ стягивалъ ряды разночинной демократіи—въ январѣ и февралѣ,—земщина металась влѣво и вправо. Въ январѣ отдѣльныя земства заговорили о необходимости коренного переустройства Россіи. Тверское губернское земство говоритъ о необходимости всеобщаго избирательнаго права съ прямой, равной и тайной подачей голосовъ. Казалось, требованія народа будутъ приняты земщиной. Но вотъ 18 февраля выходитъ царскій рескриптъ и указъ—неясныя обѣщанія и угрозы. Земства разражаются благодарственными адресами и выраженіями довѣрія къ правительству. Д. Н. Шиповъ собираетъ вокругъ себя меньшинство ноябрьскаго земскаго съѣзда, т. е. противниковъ конституціи и сторонниковъ совѣщательной Думы. Тогда земцы-конституціоналисты обособляются и собираются въ Москвѣ на съѣздъ въ концѣ февраля. Большинство этого съѣзда принимаетъ политическія требованія пролетаріата. Но и въ средѣ „конституціоналистовъ" находится меньшинство, которое подаетъ голоса противъ прямыхъ выборовъ, а за двупалатную систему представительства голосуетъ даже большинство.

Революція диктуетъ либеральнымъ земцамъ требованія деревни: съѣздъ признаетъ право государства распорядиться частной земельной собственностью въ интересахъ малоземельныхъ владѣльцевъ. Положимъ, предполагается выкупъ и вообще очень умѣренныя мѣропріятія, но основа надѣленія крестьянъ землей тутъ—принудительное отчужденіе. Словомъ, либеральные земцы идутъ подъ шумъ революціи на встрѣчу народу. Но это еще не значитъ, что они соглашаются ввѣрить народу судьбу государства. Они соглашаются только ввѣрить свое имущество „государству", т. е. прави-

тельству, для того, чтобы утишить волны революція и пріобрѣсти при этомъ политическія права. Въ либеральныхъ земцахъ все еще жива душа „шестидесятниковъ“. Они опять признаютъ нужду народа и опять не собираются отдать судьбу страны въ его многомилліонныя руки.

Раздаются и голоса городскихъ думъ. Здѣсь тоже слышится признаніе пролетарскихъ политическихъ требованій. Кавказскіе городскіе дѣятели доходятъ даже до защиты народовластія: тифлисская дума требуетъ Учредительнаго Собранія, эриванская прибавляетъ къ этому требованіе равноправія женщинъ и передачи всѣхъ земель въ собственность государства. Но это отдѣльные голоса „якобинцевъ“ демократіи. А общее совѣщаніе городскихъ дѣятелей въ Москвѣ въ концѣ февраля принимаетъ все тѣ же февральскія требованія земскихъ либераловъ. Между тѣмъ, либеральная печать наигрываетъ пѣсенки шестидесятыхъ годовъ и сзываетъ капиталистическую буржуазію городовъ и селеній подъ знамя майскаго „Цусимскаго“ земско-городского съѣзда. За мѣсяцъ до майскаго съѣзда (22—26 апрѣля) собирается общеземскій съѣздъ. Здѣсь далеко не всѣ земцы являются настоящими представителями земства. Кромѣ представителей губернскихъ земскихъ собраній по полномочію, есть и представители „частныхъ совѣщаній“ и „добровольные“ представители отъ тѣхъ земствъ, гдѣ—увы!—большинство гласныхъ оказалось уже чуть ли не черносотеннымъ. Тѣ и другіе гости общеземскаго съѣзда—это конституціоналисты. Они идутъ „объединить и поднять“ всю земщину. И, о чудо! Земщина принимаетъ знаменитое постановленіе о полномочіяхъ перваго собранія народныхъ представителей. На это постановленіе ссылаются потомъ съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей, какъ на требованіе Учредительнаго Собранія. Это постановленіе гласитъ: „Первое представительное собраніе,

главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка въ Россійской Имперіи, должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія". Можно ли это назвать требованіемъ „Учредительнаго Собранія"? Мы полагаемъ, что можно. Но вѣдь земцы потомъ согласились на участіе даже и въ Булыгинской Думѣ. Спрашивается, какъ это согласовать? Очевидно, что, требуя „Учредительнаго Собранія" въ апрѣлѣ, земскіе либералы торговались съ правительствомъ, запрашивали съ него лишнее. А когда оно преподнесло имъ булыгинскій законъ, они удовлетворились имъ. Съ этой оговоркой мы согласны толковать туманное апрѣльское постановленіе, какъ требованіе Учредительнаго Собранія. Но земцы не хотятъ этого. Они сами насъ и себя опровергаютъ. Они утверждаютъ, что это требованіе осталось такимъ же и на сентябрьскомъ и на ноябрьскомъ ихъ съѣздѣ. А тамъ они говорятъ о „первомъ собраніи Государственной Думы съ учредительными функціями". Они требуютъ, чтобы надъ этимъ, съ позволенія сказать, „Учредительнымъ Собраніемъ" стояла—и утверждала его рѣшенія—верховная власть Государя. Но, конечно, такая подчиненная роль Государственной Думы лишаетъ ее возможности стать полновластнымъ Учредительнымъ Собраніемъ. И если земскіе дѣятели утверждаютъ, что апрѣльское ихъ постановленіе говорило о такомъ же „Учредительномъ Собраніи",—а имъ безспорно лучше всего это знать,—то, стало быть, земскій либерализмъ никогда не былъ грѣшенъ въ признаніи этого народнаго требованія.

Это послѣднее разоблаченіе, дѣлаемое земцами конституціоналистами, даетъ возможность яснѣе понимать, какую именно роль играла земщина въ первое полугодіе революціи. Напримѣръ, земцы-конституціоналисты тотчасъ послѣ своего апрѣльскаго съѣзда появля-

ются на первомъ съѣздѣ Союза союзовъ. Политическое приличіе заставляетъ ихъ стать въ ряды разночинной демократіи. Вѣдь они „тоже стоятъ за Учредительное Собраніе“, за демократическое избирательное право. И что же выходитъ? Делегаты отъ союза конституціоналистовъ безмолвно присутствуютъ на союзномъ съѣздѣ, а послѣ него исчезаютъ съ горизонта Союза союзовъ. Либералы чувствуютъ себя не въ силахъ итти нога въ ногу съ сторонниками народовластія. Потокъ разночиннаго демократизма и струя капиталистическаго и землевладѣльческаго либерализма текутъ, не сливаясь. И въ то время, когда разночинцы повторяютъ за своими вождями анафему „шайкѣ разбойниковъ“, либералы думъ и земскихъ собраній съѣзжаются на свой отдѣльный „Цусимскій“ съѣздъ въ Москвѣ 24 мая.

За нѣсколько дней до этого объединительнаго (коаліціоннаго) съѣзда враги демократіи въ количествѣ около 100 человѣкъ собираются во главѣ съ Д. Н. Шиповымъ, М. А. Стаховичемъ и Н. А. Хомяковымъ на частное совѣщаніе. Тамъ они ведутъ заговоръ противъ народовластія, противъ прямого и всеобщаго избирательнаго права. Наконецъ, 300 человѣкъ изъ 34 губерній сходятся на нѣсколько дней и объединяютъ на нѣсколько мѣсяцевъ часть капиталистической и землевладѣльческой буржуазіи Россіи. „Заговорщики“ дѣйствуютъ настойчиво и умѣло. Они хоронятъ мечту иныхъ дѣятелей о народовластіи и на могилѣ ея водружаютъ „всеподданнѣйшій адресъ“. Похоронное шествіе изъ 14 лицъ отправляется въ Петергофъ 6 іюня.

Въ этотъ день началась агонія жалкаго либерализма и произошло зачатіе „конституціонно - демократической партіи“. Земскіе либералы оказывались такъ же мало способны рѣшительно стать на сторону народа, какъ ихъ дворянскіе предки и даже какъ ихъ „земскіе“ предки, „служилые люди“ земскихъ соборовъ. „Тѣ обык-

новенно заканчивали свои „соборные“ адреса словами: „А о томъ, о всемъ,—какъ Тебѣ, Государь, Богъ извѣститъ“. Что же сказали эти 6 іюня 1905 года?—Они сказали: „Не медлите, Государь. Въ страшный часъ испытанья народнаго велика Ваша отвѣтственность передъ Богомъ и Россіей“. Далеко ли отъ одной изъ этихъ фразъ до другой?

Цусима сдѣлала то, чего не могла добиться агитація соціалдемократіи и манифестаціи рабочихъ. Цусима заставила правительство прекратить войну. Наступала пора свести военные счеты. На театрѣ войны они сводятся легко: слава достается мертвымъ, а награбленное добро—генераламъ побѣжденнымъ, не меньше, чѣмъ побѣдителямъ. И итоги японской войны подводились такъ же, какъ подводятся вообще итоги войнъ на театрахъ военныхъ дѣйствій. Труднѣе была задача разсчитаться съ послѣдствіями войны въ Петербургѣ. Правительство, повидимому, должно было расплачиваться за неудачу: отдѣльно—передъ японцами, отдѣльно—передъ подданными. Либералы ожидали своей доли. Имъ вспоминался Севастопольскій разгромъ и расплата за него правительства „великими реформами“. Чуть ли не сначала войны они ожидали этой добычи: реформъ—въ уплату за народную кровь. Они за это любили войну. Она была ставкой правительства, безпроигрышной для правящихъ классовъ. Впрочемъ, одно обстоятельство отмѣчало настроеніе либераловъ послѣ 9 января 1905 г.: они уже не заявляли своихъ притязаній на безраздѣльное полученіе наслѣдства политической власти отъ самодержавнаго правительства. „Революціонный народъ“ былъ на лицо. Не было никакой возможности не сдѣлать его сонаслѣдникомъ. И они, какъ мы уже видѣли, еще до Цусимы пообѣщали народу всеобщее и т. д. избирательное право. Другое дѣло, когда подымался вопросъ о политическомъ первенствѣ, о народовластіи, объ Учредительномъ Собра-

ніи безъ увѣнчанія его тяжелой шапкой Мономаха. Тутъ либералы были непреклонны въ своемъ нежеланіи уступать революціи. Но медвѣдь, шкуру котораго дѣлили между собой партійные и союзные съѣзды, былъ еще не убитъ. Правительство только еще собиралось выдать народу вексель въ уплату за растраченныя имъ въ Манджуріи силы народа. Оно только еще заготовляло въ Булыгинской коммиссіи проектъ народнаго представительства. Либераламъ и демократіи приходилось дѣлить добычу, еще недобытую. И это было въ высшей степени на руку либераламъ. Они обѣщали народу то, чего сами не надѣялись—да и не желали—получить. Они обѣщали народу на іюльскомъ земско - городскомъ съѣздѣ почти Учредительное Собраніе. Подобное обѣщаніе должно было отвести отъ нихъ недовольство народа: пролетаріата и разночинной демократіи. А неуступчивость самодержавнаго правительства должна была навлечь негодованіе народа именно на само это правительство. Вѣдь либералы могли сказать, что они съ народомъ! Что они также обмануты, какъ и народъ! Разсчетъ, казалось, былъ вѣренъ. И все-таки все дѣло портила неугомонная соціалдемократія. Она все сѣяла въ массахъ сѣмена классового раздора, все нападала на „честныхъ“ либераловъ.

Классовый „раздоръ“, конечно, порождалъ партійность. Партійность эта возникла не только въ разнородной семьѣ разночинной демократіи, но и въ средѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Въ той и другой средѣ началась распря по вопросу о томъ, насколько правящіе классы должны быть уступчивы по отношенію къ народу.

Объединенные подклассы буржуазіи: разночинная демократія и земско-городской „блокъ“ (т. е. временный союзъ) шли вѣрными шагами къ распаденію на партіи. И распаденіе было тѣмъ ближе, чѣмъ ближе подходили дни 6 августа, 17 октября.

Въ Союзѣ союзовъ партійное разслоеніе совершенно не отражалось на его внѣшности. Впечатлѣніе даже получалось прямо противоположное. Такіе факты, какъ расколъ въ союзѣ учителей и дѣятелей по народному образованію на съѣздѣ союза 7—10 іюня, проходили совершенно незамѣтно. Зато число членовъ отдѣльныхъ союзовъ и ихъ матеріальныя средства—росли. На второмъ, майскомъ съѣздѣ къ Союзу союзовъ присоединился Крестьянскій союзъ, а на третьемъ, іюльскомъ—союзъ лѣсоводовъ. Помимо всероссійскаго объединенія профессій, въ Союзѣ союзовъ началось мѣстное объединеніе союзовъ по отдѣльнымъ городамъ. Возникли мѣстные „союзы союзовъ" и „союзы интеллигенціи". Несмотря на преслѣдованія, которымъ подвергся Союзъ союзовъ, Центральное Бюро его дѣлало свое дѣло. Имъ была избрана особая комиссія для составленія проэкта Учредительнаго Собранія. И вскорѣ (1 іюля) былъ созванъ третій съѣздъ представителей союзовъ.

Вся дѣятельная работа Центральнаго Бюро была направлена къ сплоченію союзовъ и оживленію ихъ дѣятельности. „Якобинцы" напрягали все усердіе для того, чтобы попрежнему вести за собой разночинную демократію. И чѣмъ больше обнаруживались разногласія въ отдѣльныхъ союзахъ, тѣмъ рѣзче и дѣятельнѣе выступали руководители союзовъ. Но, несмотря на всѣ ихъ усилія, уже іюльскій съѣздъ обнаружилъ крупныя разногласія среди „союзовцевъ". Приближалось 6 августа. Носились тревожные для демократіи слухи, будто бы правительство собирается отдѣлаться совѣщательной Думой. Третій съѣздъ союзовъ подробно обсуждаетъ вопросъ о Думѣ и постановляетъ: безотлагательно приступить къ объединенію и мобилизаціи демократическихъ элементовъ страны для устройства массовыхъ протестовъ противъ правительственнаго проэкта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, делегатскій съѣздъ Союза со-

юзовъ заявляетъ, что онъ будетъ протестовать и противъ всякаго иного закона о народномъ представительствѣ, не основаннаго на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія. Призывъ, достойный вождей демократіи. Но призывъ этотъ на этотъ разъ не оказался общимъ желаніемъ и рѣшеніемъ союзныхъ представителей. Меньшинство съѣзда вынесло свое постановленіе, которое не настаивало на демократическомъ избирательномъ правѣ, а въ туманной формѣ протестовало противъ Булыгинскаго проэкта „во имя основныхъ правъ народа". Это было начало разложенія Союза союзовъ. И тѣмъ не менѣе, его главная роль была еще впереди.

Въ противоположность союзному блоку, въ либеральномъ блокѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей не было революціонныхъ дрожжей, которыя, на подобіе союзныхъ „якобинцевъ", заставляли бы бродить земщину и думскихъ гласныхъ. Земцы-конституціоналисты были слишкомъ прѣсными для этого. Они сами нуждались въ особыхъ возбудителяхъ. И такимъ всегдашнимъ возбудителемъ для городскихъ и сельскихъ либераловъ были: рабочее движеніе и угрозы революціи. Проводивъ іюньскія похороны народной свободы, земцы-конституціоналисты собрались (120 человѣкъ) 9—10 іюля на свой съѣздъ. Здѣсь они рѣшили основать „Партію народной свободы" (конституціонно-демократическую). Здѣсь они оплакали не покойницу, а неприличіе всенародныхъ похоронъ ея. Они здѣсь почти исключительно говорили относительно „того невыгоднаго впечатлѣнія, которое было произведено, главнымъ образомъ, на элементы, стоящіе влѣво отъ земствъ, петергофской депутаціей и, въ частности, недостаточно опредѣленнымъ содержаніемъ и нѣкоторыми отдѣльными выраженіями рѣчи кн. С. Н. Трубецкого". Они были вполнѣ правы. Либераламъ такъ важно было

притворяться друзьями демократіи, такъ хотѣлось свалить всю вину грядущей контръ-революціи на правительство или на историческое предопредѣленіе, и вдругъ эта безтактность, эта провокаторская выходка шиповцевъ, противъ которой они, честные либералы, не сумѣли устоять. Это было непростительно, это было до такой степени „невыгодно"! Либералы опозорены. Либераламъ грозитъ народная ненависть и недовѣріе. Но будущее казалось особенно ужаснымъ, когда возникало предположеніе, что, быть можетъ, народная свобода погребена ими заживо,— что она воскреснетъ въ народной революціи. Съ этого момента земцы-конституціоналисты поклялись покончить съ призракомъ революціи. Они положили основаніе „Партіи народной свободы" во имя „борьбы на два фронта", для одинаковой борьбы какъ противъ самодержавія, такъ и противъ народной свободы. Земскій либерализмъ былъ уже мертвъ. Это обнаружилось на іюльскомъ земско-городскомъ съѣздѣ.

Городскіе дѣятели шли къ іюльскому съѣзду болѣе ровнымъ шагомъ, съ большимъ достоинствомъ. Они были конституціоналистами, не неся ярлыковъ съ этимъ названіемъ. Они не желали и не просили Учредительнаго Собранія и не выставляли себя революціонерами. 15—16 іюня 205 городскихъ дѣятелей собрались въ Москвѣ на частное совѣщаніе. Всѣ рѣшенія совѣщанія относительно Булыгинскаго проэкта были приняты тутъ единогласно. Для народа они требовали „народнаго представительства на конституціонныхъ началахъ", а для выработки основного закона о представительствѣ они требовали только „участья въ этомъ дѣлѣ живыхъ общественныхъ силъ", т. е. добивались для себя совмѣстно съ правительствомъ права выработать конституцію Имперіи. Затѣмъ они отстаивали двупалатное представительство и распространеніе избирательныхъ правъ на женщинъ (большинствомъ противъ

21), но зато повысили гражданское совершеннолѣтіе съ 21 до 25 лѣтъ. Съ этими требованіями представители городского капитала шли на іюльскій съѣздъ земщины“.

Такъ же ясно, въ тоже самое время, выразили свои желанія предводители дворянства, собравшіеся на съѣздъ въ Петербургъ 12—16 іюня. Они находили необходимымъ „немедленный приступъ къ созыву народнаго представительства“. Они боялись революціи и вооружались противъ „преступной дѣятельности мятежниковъ“. Исходомъ изъ положенія они считали „союзъ Царя и старшаго сословія (т. е. дворянства), слитаго со всей земщиной“.

Дѣйствительно, революція грозила вспыхнуть изъ-за медлительности правительства. Опасность эта подсказывала объединеніе класса землевладѣльцевъ въ цѣляхъ самозащиты. Классъ городской буржуазіи въ лицѣ городскихъ дѣятелей совершенно справедливо считалъ свои интересы совпадающими съ интересами землевладѣльцевъ во всемъ, что касалось борьбы противъ самодержавія и революціи. Земщинѣ во всей ея массѣ оставалось только примкнуть къ этому блоку землелѣльческой и городской буржуазіи. Но земскіе либералы шли на земскій съѣздъ не для того, чтобы открыто объединиться съ дворянами и крупными капиталистами. Они боялись связи съ умирающимъ сословіемъ дворянъ. Они боялись опозорить себя въ глазахъ демократіи и рабочаго класса открытымъ сближеніемъ съ „буржуазіей“, какъ они называли именно торгово-промышленный классъ. Іюньское паломничество было еще свѣжо въ памяти населенія, и напоминаніе о немъ не обѣщало либераламъ ни вліятельности въ народѣ, ни успокоительнаго вліянія на народъ. Надо было загладить это впечатлѣніе. Надо было сохранить либеральную внѣшность для связи съ демократіей на случай, если бы Булыгинская коммиссія

и разрѣшилась отъ бремени недоноскомъ „конституціи“. А на благополучный исходъ земцамъ тоже могли пригодиться историческіе костюмы либеральныхъ предковъ. Вѣдь предстояло еще умиротворить народъ, пріучить его къ конституціи со всѣми ея недохватами и урѣзками. Для этого нужна была особая партія изъ бывшихъ земскихъ либераловъ, плетущихся за ними разночинцевъ (освобожденцевъ) и изъ всѣхъ тѣхъ, кому вообще угодно пожаловать. Для партіи нужно было знамя съ надписью: партія народной свободы, а затѣмъ необходимъ былъ умѣлый заговоръ противъ народовластія. Они пошли на іюльскій земско-городской съѣздъ для того, чтобы сплотиться въ такую партію.

6 іюля въ Москвѣ состоялся съѣздъ изъ 235 представителей земствъ и городовъ. Съ самаго начала на немъ обнаружилось распаденіе въ средѣ участниковъ на крайнюю лѣвую и крайнюю правую. „Правая и центръ“ стоятъ за участіе въ Булыгинской Думѣ. За это же стоятъ и нѣкоторые изъ либераловъ: Родичевъ, Щепкинъ и др. Де-Роберти предлагаетъ петицію Государю. Честь либераловъ въ опасности. И эту честь спасаютъ крайніе лѣвые. Они съ увлеченіемъ призываютъ чуть ли не къ революціи. Новгородскій представитель Колюбакинъ призываетъ „обратиться къ народу“. Петрункевичъ убѣждаетъ, что „на реформу разсчитывать нечего. Мы можемъ разсчитывать только на себя и на народъ... Революція—фактъ.—Мы должны отклониться отъ правовыхъ формъ. Мы пойдемъ для этого къ народу“. Раздается громъ апплодисментовъ. А затѣмъ... затѣмъ—послѣ нѣсколькихъ протестовъ центра и правой противъ „революціи“,—съѣздъ почти единогласно постановляетъ „отстаиванье правъ... мирными способами“. Миролюбіе объединяетъ всѣхъ воедино. И оно еще не разъ сведетъ вмѣстѣ земцевъ-конституціоналистовъ съ другими земцами. И снова честь

либеральнаго знамени будутъ спасать революціонныя рѣчи Петрункевича и Колюбакина. И снова съѣзды будутъ выносить двусмысленныя постановленія. Въ концѣ концовъ земско-городской блокъ распадется только тогда, когда либералы уйдутъ. А либералы уйдутъ тогда, когда они пріютятся въ своей собственной „конституціонно-демократической“ партіи.

Пришло 6 августа. Отъ правительства ждали, что оно, по примѣру рѣшительнаго римскаго полководца, броситъ жребій и перейдетъ Рубиконъ, т. е. дастъ народу конституцію. Оно же, вмѣсто этого, бросило правящимъ классамъ кость, наградило ихъ представительствомъ въ совѣщательной Государственной Думѣ. А демократіи, т. е. большинству разночинной интеллигенціи и рабочимъ, былъ совершенно закрытъ доступъ даже и къ такому представительству. Въ такомъ видѣ Государственная Дума была дешевой расплатой правительства съ либералами. Народъ былъ обойденъ. Рабочіе, герои 9 января, не получили избирательныхъ правъ. Не получила его на дѣлѣ и крестьянская масса, не разъ уже заявлявшая о себѣ безпорядками.

Надо думать, что, издавая подобный избирательный законъ, правительство имѣло въ виду въ будущемъ ограничительные законы и принудительныя мѣры противъ выраженій недовольства со стороны народныхъ массъ. Но на что разсчитывала либеральная земщина, когда, позабывъ о народѣ, принялась глодать брошенную ей кость? Многія земства привѣтствовали манифестъ благодарственными адресами и возлагали свои упованія на упомянутое въ манифестѣ, возможное въ будущемъ, измѣненіе закона о Государственной Думѣ. Приходится заключить, что эта первая полу-уступка уже внесла разложеніе въ политическое сознаніе верховъ народа. Положимъ, нѣкоторыя думы повторяли, такъ сказать, напоминали правительству и новымъ отступникамъ демократическія требованія свободъ и избирательныхъ

правъ. Но настоящую картину настроенія „избирателей" даютъ не эти постановленія, а сентябрьскій городской съѣздъ. Онъ состоялся 12 сентября въ Москвѣ съ разрѣшенія властей и въ присутствіи управляющаго канцеляріей московскаго генералъ-губернатора. Прибыло 115 представителей отъ земствъ и 62—отъ городскихъ думъ.

Казалось, старая мечта земскихъ либераловъ сбывается. Они наряду съ нѣкоторыми другими представителями владѣльческаго класса призваны къ участію въ законодательной работѣ, хотя только съ правомъ совѣщательнаго голоса. Но и въ «эпоху великихъ реформъ» рѣшала вопросы царская воля. Стало быть, имъ, по ихъ мнѣнію, открывалась возможность служить народу. И вотъ, съѣздъ, не выказывая неподобающей радости по поводу манифеста, принимается прямо за вопросы предвыборнаго характера. Въ рѣчи каждаго оратора звучатъ слова: партійность, партія. Выборы должны быть партійными,—рѣшаетъ съѣздъ и поэтому отвергаетъ предложеніе учредить центральный избирательный комитетъ. «Съѣздъ не партія», говорится въ предлагаемомъ съѣзду проэктѣ воззванія. Наконецъ, партійность проявляется и на самомъ съѣздѣ. Одинъ изъ общихъ вопросовъ, а именно, вопросъ о самостоятельномъ самоуправленіи окраинъ (вопросъ объ автономіи областей, т. е. о самоуправленіи въ мѣстныхъ, областныхъ дѣлахъ) вызываетъ страстныя пренія. Либералы идутъ навстрѣчу требованіямъ Польши, Кавказа. Они настаиваютъ на автономіи. Возражаетъ А. И. Гучковъ. Онъ грозитъ либераламъ: «Если только по этому одному вопросу мы разойдемся, мы—политическіе враги». Пустая уступка, согласіе не печатать этого рѣшенія въ воззваніи къ населенію успокаиваетъ «патріота». Но чувствуется, что теперь либеральный блокъ можетъ распасться по любому вопросу. Счастливые обладатели избирательныхъ правъ не нуждаются болѣе

во взаимной поддержкѣ. Теперь они ближе къ мысли о взаимномъ соперничествѣ на выборахъ.

Члены съѣзда не сходятся на общей политической программѣ. Меньшинство голосуетъ за двустепенные выборы. Незыблемость основныхъ свободъ отвергается 44 лицами, а 80 подаютъ голосъ за нее. Только 31 высказывается за одну палату, большинство же—за двѣ. 72 голоса противъ 63 отвергаютъ распространеніе избирательныхъ правъ на женщинъ. Словомъ, блока въ данный моментъ больше не существуетъ. Есть только враждующія политическія партіи.

Но какъ только вопросъ касается разрѣшенія соціальныхъ требованій рабочаго кдасса, земцы и думцы, лѣвые и правые, становятся снова единодушны. Благодаря этому обстоятельству, блокъ не распадается. При этомъ, общія рѣшенія съѣзда по этимъ вопросамъ чрезвычайно неопредѣленны. Съѣздъ, напримѣръ, «считаетъ настоятельно необходимымъ широкія и планомѣрныя заботы объ устраненіи земельной тѣсноты, объ обезпеченіи правъ и потребностей рабочаго». Можно подумать, что по мнѣнію съѣзда опять «революціоннаго народа нѣтъ». А между тѣмъ, новый революціонный ударъ уже былъ занесенъ надъ страною.

На этотъ разъ заодно съ пролетаріатомъ поднялась и городская разночинная масса, несмотря на то, что съ прекращеніемъ войны возбужденность ея улеглась, и политическое недовольство ея пошло на убыль. И вотъ, когда на съѣздахъ союзовъ въ сентябрѣ и октябрѣ обсуждался вопросъ о признаніи или непризнаніи Булыгинской Думы, среди делегатовъ съѣздовъ возникли разногласія. И эти разногласія не позволяли выносить опредѣленныхъ рѣшеній. Союзамъ грозилъ расколъ. На этихъ же съѣздахъ поднимались другіе вопросы громадной важности. Вносились на обсужденіе такія мѣры борьбы съ правительствомъ, какъ отказъ платить налоги, вооруженіе народа, возстаніе. Всѣ эти

вопросы, въ сущности, сводились къ одному—къ вопросу о борьбѣ за народовластіе. И всѣ они въ большинствѣ союзовъ были отвергнуты. Словомъ, и разночинная демократія уже страдала отъ революціи.

Въ этотъ трудный моментъ, пролетарскій по главному составу своему желѣзнодорожный союзъ объявилъ и началъ 12 октября всероссійскую забастовку желѣзныхъ дорогъ. Союзъ союзовъ сдѣлалъ все для того, чтобы двинуть въ борьбу разночинныя массы. И онъ ихъ двинулъ. 14 октября всѣ союзы объявили забастовку. Новый подъемъ пролетарскаго движенія заставилъ буржуазную демократію еще разъ очнуться. Ея присоединеніе къ революціонному движенію рабочихъ массъ удвоило размѣры и успѣхъ массоваго движенія. Особенно это сказалось въ Петербургѣ, гдѣ, говоря словами К. Маркса, «рабочее движеніе включено въ рамки всеобщаго движенія и имъ опредѣляется». А именно въ Петербургѣ союзы дѣйствовали очень дѣятельно. Отчетъ о Союзѣ союзовъ [1]) сообщаетъ: «14 октября въ помѣщеніяхъ С.-Петербургскаго Университета въ отдѣльныхъ аудиторіяхъ состоялись общія собранія всѣхъ союзовъ, на которыхъ было постановлено немедленно приступить къ проведенію политической забастовки. Здѣсь же были выбраны спеціальные стачечные комитеты для каждаго союза, которые получили права общаго собранія по вопросу о прекращеніи и объявленіи забастовки. Для помощи рабочимъ былъ организованъ сборъ съ членовъ союзовъ въ размѣрѣ трехдневнаго заработка, который далъ около 20.000 рублей. Стачечные комитеты отдѣльныхъ союзовъ организовали цѣлый рядъ делегацій въ общественныя, правительственныя и частныя учрежденія съ цѣлью прекращенія занятій. Делегаты являлись въ банки, техническія конторы, Правленія промышленныхъ обществъ, суды, школы, даже въ Сенатъ».

---

[1]) „Союзъ союзовъ“. С. Д. К.

17 октября былъ данъ знаменитый манифестъ. Онъ былъ изданъ, повидимому, съ цѣлью унять революціонную бурю. Но боченокъ масла еще не способенъ былъ усмирить разбушевавшіяся волны океана. Пролетарское движеніе неудержимо двигалось впередъ къ народовластію, съ упорствомъ, хотя и безъ самообольщенія. И пролетарское движеніе продолжало увлекать за собой передовые слои разночинной демократіи. «Забастовочный листокъ Союза инженеровъ и техниковъ сообщаетъ о митингахъ всѣхъ союзовъ 18 октября въ Петербургѣ: «На всѣхъ, состоявшихся сегодня, 18 окт., митингахъ приняты слѣдующія требованія: 1) полная политическая амнистія, 2) отмѣна смертной казни, военнаго положенія и усиленной охраны; 3) учрежденіе народной милиціи, управляемой Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ»

А въ то же время учредительный съѣздъ «конституціонно-демократической партіи» или «партіи народной свободы» выслушивалъ доставленный ему манифестъ. И второй послѣ прочтенія манифеста ораторъ С. А. Котляревскій обратился къ членамъ новой партіи съ торжественнымъ вопросомъ: «Клянетесь ли вы не отдавать назадъ свободы»? И конституціоналисты-демократы отвѣтили: «Клянемся!»

ГЛАВА III.

ПАРТІИ.

17 октяря 1905 года вышелъ манифестъ, признавшій за народомъ гражданскія и политическія права. И народъ тотчасъ же попытался воспользоваться гражданской свободой: онъ наводнилъ улицы городовъ и, такъ сказать, овладѣлъ ими. Дни 17 и 18 октября были днями радостныхъ, безоружныхъ демонстрацій. Народъ какъ будто бы провѣрялъ дѣйствительность обѣщанныхъ свободъ. Онъ довѣрялся правительству. Онъ какъ будто даже надѣялся, что правительство будетъ защищать свободу народа отъ всѣхъ посягательствъ на нее. Посягательства эти тотчасъ же были совершены черносотенцами, но правительство не вмѣшалось, а мѣстныя власти стали на сторону черныхъ сотенъ. Произошли звѣрскіе погромы. За семь дней—съ 17 по 23 октября—погромы разразились въ 104 городахъ. Благодаря заступничеству войскъ за погромщиковъ, самозащита со стороны революціонеровъ оказалась безсильной. За эти только дни 3000 было убито и 10000 ранено. Въ одной Одессѣ было убито 1100 человѣкъ и ранено 3000.

„Что, хороша свобода?“—спрашивали публику ярославскіе черносотенцы.

Да, свобода еще не существовала для защитниковъ новаго строя. Провѣрка ея дала плохіе результаты. Улицы еще не принадлежали демократіи, площади не были въ распоряженіи толпы и ея ораторовъ. Стало ясно, что предстоитъ еще борьбой отстаивать обѣщан-

ныя манифестомъ права и свободы. Борьба эта была вся впереди, но оказалось возможнымъ вести ее совершенно открыто. Дѣйствительно, если октябрьскій манифестъ вообще призналъ за народомъ свободу, то онъ призналъ именно свободу борьбы. Онъ признавалъ за народомъ представительство его интересовъ. Онъ устанавливалъ между народомъ и правительствомъ договорныя отношенія. Но своихъ правъ самодержавное правительство не слагало къ ногамъ народа. У народа оказывались свои самостоятельныя права, у правительства—свои. Столкновенія становились неизбѣжны, а самое „право борьбы“ вытекало изъ манифеста и вслѣдъ за тѣмъ было подтверждено актомъ амнистіи.

Но прежде, чѣмъ „свободные граждане“ рѣшились воспользоваться правомъ открытой борьбы, на нихъ обрушился страшный ударъ черносотенныхъ, полицейскихъ и военныхъ погромовъ. Черныя сотни оказались готовы дать кровавый отпоръ проявленіямъ гражданской свободы.

Ударъ нанесенъ былъ умѣлой рукой. Чудовища мрачнаго прошлаго, Крушеваны и Богдановичи, еще задолго до октябрьской революціи подготовляли темную Русь итти противъ новой Россіи. Кровавая волна погромовъ поднялась не внезапно, не въ отвѣтъ на подъемъ октябрьской революціонной волны. Мрачныя силы собирались у подножья трона уже со времени первыхъ царскихъ обязательствъ передъ народомъ, т. е. съ февраля 1905 г. Черносотенное движеніе шло и росло вмѣстѣ съ остальными силами нашей контръ-революціи. Но само по себѣ это движеніе было только одной стороной контръ-революціи, которая не отставала ни на шагъ отъ роста въ странѣ революціонныхъ силъ. Другой ея стороной было нарожденіе партій соглашенія съ правительствомъ. Исторія нашей контръ-революціи—это исторія манифестовъ. Каждый такой манифестъ будилъ мракобѣсовъ и сплачивалъ ихъ въ чер-

носотенныя партіи. Каждый такой манифестъ удовлетворялъ какую-нибудь группу буржуазіи и отторгалъ ее отъ противоправительственныхъ союзовъ. Исторія нашей контръ-революціи—это исторія возникновенія партій, прежде всего черносотенныхъ, затѣмъ умѣренно-либеральныхъ и, наконецъ,—конституціонныхъ. Это исторія 1905 года.

Зародышемъ всѣхъ реакціонныхъ (черносотенныхъ) партій было „Русское собраніе". Но до либеральнаго движенія „ноябристовъ", до первыхъ царскихъ словъ о грядущихъ уступкахъ, т. е. до царскаго указа, даннаго 12 декабря 1904 года, это гнѣздо дворянъ-мракобѣсовъ ограничивалось русскими обѣдами въ русскихъ костюмахъ, квасными рѣчами и квасными статьями въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Новомъ Времени" и тому подобныхъ газетахъ. Разбудила, расшевелила это осиное гнѣздо осенняя „либеральная весна" 1904 г. Губернскія Вѣдомости чуть ли не всѣхъ губерній, всегдашніе подголоски «Московскихъ Вѣдомостей», объявили походъ противъ либераловъ. А 28 января 1905 г. теперешній вдохновитель черныхъ сотенъ, дворянинъ Б. Никольскій, дѣлая докладъ въ „Русскомъ собраніи" о земскомъ соборѣ, говорилъ: „изстрадалось сердце русское! Льется русская кровь тамъ, далеко. А здѣсь кричатъ либеральныя утки, гогочутъ радикальные гуси, поютъ о веснѣ соловьи. Загоготалъ весь птичникъ, которому чуждо русское горе!.." „Обнаглѣли жиды и требуютъ расширенія черты осѣдлости. Требуютъ рабочіе—отдѣленія церкви, либералы—конституціи, радикалы—революціи; заговорили о веснѣ, земскомъ соборѣ". „Все это ревъ безсмысленной толпы, все это не русское"...

Сердечныя муки крѣпостниковъ усилились еще больше, когда правительству пришлось взять на себя обязательство о созывѣ народныхъ представителей. Это обязательство было вырвано у правительства январскимъ

натискомъ петербургскихъ рабочихъ. Его принялъ на себя Царь въ рескриптѣ, данномъ 18 февраля 1905 г. на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ рескриптѣ рука царя писала о первой уступкѣ народу со стороны неограниченнаго самодержца:

„Я вознамѣрился отнынѣ съ Божьей помощью привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній". И въ тотъ же день, той же рукой, крѣпостники выводили слова манифеста: „Мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствіи намъ словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ землѣ нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней..." „Да станутъ же крѣпко вокругъ престола Нашего всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной страны, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами".

Этими двумя документами было положено начало контръ-революціи. Обѣщаніе сдѣлать народу уступки— т. е. слова царскаго рескрипта — отторгли отъ союза земскихъ дѣятелей дворянскую партію. А угрозы по адресу революціи,—т. е. слова манифеста — были боевымъ кличемъ, объединяющимъ всѣхъ враговъ революціи. И до сихъ поръ манифестъ 18 февраля 1905 г. служитъ знаменемъ контръ-революціи. Рескриптъ прежде всего оторвалъ отъ земскихъ съѣздовъ 22 губернскихъ предводителей дворянства.

Первая уступка со стороны самодержавной власти уже разстраивала ряды противоправительственнпаго объединенія земщины. И, конечно, это разложеніе земщины усиливало враговъ революціи. Произошло это

первое разложеніе слѣдующимъ образомъ. 10 марта въ Москвѣ собрались на съѣздъ губернскіе предводители дворянства. На этомъ съѣздѣ сычевскій предводитель И. А. Хомяковъ внесъ записку 22 предводителей. Между прочимъ, подъ ней подписался и предсѣдатель съѣзда П. Трубецкій. Записка эта настаивала на необходимости созыва народныхъ представителей для участія въ обсужденіи законовъ, въ разсмотрѣніи государственной росписи и требовала для народныхъ представителей права надзора за дѣйствіями министровъ и за исполненіемъ бюджета. 22 предводителя надѣялись, что ихъ желанія будутъ выполнены правительствомъ. Порукой имъ служилъ царскій рескриптъ. Поэтому они рѣшили отстраниться отъ противоправительственныхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей. И 7 апрѣля Самаринымъ былъ заявленъ отъ имени двадцати двухъ дворянъ отказъ участвовать въ апрѣльскомъ земскомъ съѣздѣ. Отщепенцевъ прозвали „самаритянами". Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, спустя два мѣсяца послѣ разрыва съ земскими дѣятелями, привѣтствовали знаменитую земскую депутацію къ Царю и подтвердили въ своей собственной депутаціи передъ Царемъ справедливость земскихъ требованій. Они, конечно, ушли отъ земщины, но земщина не далеко ушла отъ нихъ. Зато другая часть „самаритянъ" ополчилась еще сильнѣе противъ земскихъ избирателей. Въ серединѣ апрѣля изъ дворянской среды выдѣлилась отдѣльная группа. Во главѣ ея стояли братья Павелъ и Петръ Шереметьевы, и по имени ихъ она прослыла подъ названіемъ „шереметьевской партіи".

Къ нимъ примкнула эта послѣдняя часть „самаритянъ". Это былъ первый камень строенія теперешняго „Союза русскихъ людей". „Шереметьевцы" были безнадежны для земскаго либерализма. „Союзъ русскихъ людей" ухватился за рескриптъ 18 февраля и сталъ защищать „единеніе церкви, престола и народа".

Вѣнцомъ ихъ желаній былъ „союзъ царя и старшаго сословія (т. е. дворянства), слитаго со всей земщиной“ [1]). Они отстранились даже отъ „самаритянъ“, которые все-таки хотѣли конституціи. „Московскія Вѣдомости“ опредѣлили, что шереметьевцы хотятъ „поднадзорнаго самодержавія“. И все же шереметьевцы не привѣтствовали манифеста 18 февраля. Подъ знамя этого манифеста сходились только черносотенцы, защищавшіе самодержавіе болѣе, нежели его защищаетъ самъ царь. Эти послѣдніе кляли „союзъ русскихъ людей“ за его пристрастіе къ рескрипту и равнодушіе къ манифесту. Это были монархисты „Самодержавно-монархической партіи“, основанной 24 апрѣля „Московскими Вѣдомостями“. Наконецъ, крайнимъ откликомъ на манифестъ 18 февраля была статья князя Мещерскаго въ его „Гражданинѣ“. Онъ ухитрился укорить даже и „монархистовъ“ въ неблагонамѣренности за одно названіе „партіи“ въ Россіи, гдѣ по мнѣнію князя, не должно быть никакихъ партій. „Гражданинъ“ ошибался. Партіи оказывались уже необходимы даже и его единомышленникамъ. Вслѣдъ за „словомъ содѣйствія“, которое монархисты оказывали Царю по призыву его манифеста, понадобилось и „дѣло“.

„Русскіе люди“ и „монархисты“ вскорѣ начали открытую борьбу съ „крамолой“. Но крамола проявлялась въ трехъ лицахъ: „рабочихъ“, „жидовъ“ и „интеллигентовъ“.

И всѣ три вида крамолы подверглись воздѣйствію „благомыслящихъ людей“ въ Нижнемъ Новгородѣ, Кишиневѣ, Балашевѣ: 10, 18 и 21 іюля. Это были первыя пробы черносотенныхъ погромовъ. За первыми попытками послѣдовала правильная работа по подготовкѣ октябрьскаго разгула черныхъ сотенъ. Генераломъ Богдановичемъ организовались повсемѣстно въ про-

---

[1]) „Записка“ предводителей дворянства къ Царю 18 іюня 1905 года.

винціи особыя боевыя дружины. Зачатки черносотенныхъ партій крѣпли и смѣлѣли въ то же время, какъ разлагался союзъ либераловъ и демократическое движеніе.

И для нихъ также не прошелъ безъ слѣда манифестъ 6 августа. Онъ не только раздробилъ земщину и городъ на партіи, не только настроилъ часть либераловъ еще болѣе примирительно по отношенію къ правительству, — онъ обострилъ недовольство массъ и усилилъ развязность черносотенцевъ. На собраніи 1 сентября въ Москвѣ „монархисты" основываютъ боевыя дружины. Царю ставится со стороны царистовъ требованіе, чтобы представительство было сословнымъ. Особая депутація подъ предводительствомъ графа Бобринскаго докладываетъ Царю эту волю „Отечественнаго Союза изъ людей всѣхъ званій и состояній, духовныхъ, дворянъ, крестьянъ, торговцевъ, промышленниковъ и людей науки".

Приближаются октябрьскія стачки. Работа враговъ кипитъ. На помощь чернымъ сотнямъ спѣшатъ черные клобуки. Московскій преосвященный Никонъ выпускаетъ брошюру: „Голосъ изъ обители преподобнаго Сергія о печальныхъ событіяхъ послѣдняго времени на Руси". Въ брошюрѣ этой говорится: „На улицахъ городовъ, на улицахъ столицъ бушуютъ толпы рабочихъ, требуютъ невозможнаго — часто даже того, о чемъ и сами не имѣютъ понятія, не слушаютъ никакихъ увѣщаній и готовы обратиться въ дикихъ звѣрей, которыхъ выпустили изъ клѣтокъ... Противъ же звѣрей одно средство—оружіе".

Идетъ дѣятельная тайная подготовка всероссійскихъ погромовъ. Но волна революціонной стачки опережаетъ волну контръ-революціи. 17 октября выходитъ многообѣщающій манифестъ. А 18 октября московская монархическая партія заявляетъ, что ставитъ себѣ болѣе широкія задачи, нежели выборную борьбу, а именно,

ставитъ себѣ цѣлью „охраненіе и возстановленіе самодержавной власти русскаго царя". Вслѣдъ затѣмъ черный смерчъ погромовъ проносится по городамъ и мѣстечкамъ Россіи.

Однако, какъ ни звѣроподобны были всѣ эти „истинно-русскіе люди", какъ ни зловѣщи были чинимые имъ погромы, они были бы безсильны разбить могучее революціонное движеніе 1905 года. Правительство, которое несомнѣнно желало вернуться къ старому строю, все-таки не рѣшилось опереться на нихъ открыто. Они были воплощеніемъ реакціи. Они ненавидѣли и осуждали всѣ правительственные акты, начиная съ февральскаго рескрипта и кончая октябрьскимъ манифестомъ. Они сами стали на революціонный путь. А сила октябрьскаго правительства заключалась въ томъ, что оно было правительствомъ „порядка". На этомъ былъ основанъ и весь его поколебленный революціей кредитъ у западно-европейскихъ банкировъ. А во имя порядка оно могло опереться только на контръ-революцію, но отнюдь не на реакцію. Необходимо было найти въ народѣ противореволюціонное настроеніе и оказать ему всяческую поддержку. Бездѣйствовать и медлить правительству послѣ 17 октября нельзя было, потому что революція стала усиленно организоваться.

Но и контръ-революція была уже на лицо. Ее породилъ рядъ манифестовъ, ее выростилъ страхъ передъ народнымъ возстаніемъ, ей въ объятья кинулась торгово-промышленная и крупно-землевладѣльческая буржуазія. Когда населеніе столицъ обратилось къ думамъ съ требованьемъ организовать милицію, думцы, представители городского капитала, отвѣтили депутатамъ отъ населенія отказомъ. У нихъ уже была твердая, опредѣленно сложившаяся вражда къ революціи. Недавніе враги правительства, они теперь оказались врагами народа. И первое въ нихъ было такъ же естественно, какъ и второе.

Промышленники становились врагами правительства, по мѣрѣ того, какъ оно все больше и больше вмѣшивалось въ рабочій вопросъ и въ то же время становилось все неспособнѣе къ управленію государствомъ. Наряду съ несчастной войной, зубатовщина, одесскія дѣянія Шаевича и дѣятельность петербургскаго „Собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ",—все это до нельзя раздрожало промышленниковъ. Правительство старалось выставить себя радѣтелемъ о нуждахъ рабочихъ и отвести недовольство рабочихъ изъ области политики на „экономическую борьбу" ихъ противъ предпринимателей. Каково же было терпѣть такую игру промышленникамъ?

Она имъ обходилась слишкомъ дорого, такъ какъ даже и проигранныя рабочими стачки были убыточны для предпринимателей. Она была очень опасна: это доказывали Одесскіе дни и 9 января. Но зато торговцы и промышленники научались цѣнить политическую стачку; такая стачка приближала паденіе самодержавія. А вслѣдъ за самодержавіемъ царя промышленникамъ грезилось самодержавіе капитала. Царь, отвѣтственный передъ капиталомъ въ лицѣ своихъ министровъ, и народная свобода въ такой мѣрѣ, сколько ея было нужно для „спокойствія мастерской"—вотъ какая конституція мало-по-малу слагалась въ представленіяхъ и желаніяхъ крупныхъ капиталистовъ. Установить эту конституцію они предоставляли правительству, предложивъ при этомъ свое содѣйствіе и участіе. Это былъ самый безопасный и спокойный, по ихъ мнѣнію, путь. И объ этомъ они покорнѣйше просили правительство въ цѣломъ рядѣ „записокъ". Таковы, напримѣръ, записки московскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ въ январѣ 1905 года; записка уполномоченныхъ промышленниками о депутаціи ихъ представителей въ коммиссію Булыгина для составленія закона о Государственной Думѣ въ концѣ марта 1905 г.; заявленіе пред-

ставителей промышленности въ коммиссіи по рабочему вопросу, поданное статсъ-секретарю Коковцеву 19 мая 1905 г.; заявленія, сдѣланныя въ совѣщаніи нефтепромышленниковъ между 22 сентября и 4 октября того же года подъ предсѣдательствомъ того же Коковцева: записка совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ въ защиту всеобщаго избирательнаго права, поданная Витте 19 октября и другія. Всѣ эти документы, безъ сомнѣнія, доказываютъ, что видные представители торгово-промышленнаго класса были защитниками „конституціи“. Но эти же „записки“ убѣждаютъ насъ, что составители ихъ—враги соціальныхъ притязаній рабочаго класса, враги защиты труда закономъ. Всѣ „записки“ требуютъ гражданскихъ и политическихъ правъ для народа, но многія изъ нихъ возстаютъ противъ рабочаго законодательства. По поводу январскихъ событій, въ майской коммиссіи Коковцева капиталисты негодуютъ па правительство, за его вмѣшательство въ „семейныя дѣла“ промышленниковъ и рабочихъ во имя рабочихъ, а депутація ихъ 19 марта къ Булыгину хлопочетъ объ участіи только своихъ представителей въ Булыгинской коммиссіи. По мнѣнію Морозовыхъ, Четвериковыхъ и Крестовниковыхъ, состряпать законъ о Государственной Думѣ сумѣютъ и одни ихъ представители самъ-другъ съ бюрократами. Не ясно ли, что всѣмъ этимъ царьки промышленности говорили царскому правительству: откажись отъ своей власти надъ народомъ въ нашу пользу. И только поэтому голосъ „уполномоченныхъ промышленниками“ въ коммиссіи Коковцева по рабочему вопросу звучалъ благороднымъ негодованіемъ, когда они увидѣли, что г. министръ финансовъ пригласилъ ихъ только для обсужденія мѣръ по защитѣ труда, но не позволяетъ имъ говорить о необходимости для народа гражданскихъ и политическихъ правъ.

Только о „свободѣ“ они хотѣли говорить съ мини-

стромъ, а онъ вдругъ требуетъ отъ нихъ, чтобы они только не говорили о свободѣ. Но это было въ дни Цусимы! И вотъ промышленники съ достоинствомъ покидаютъ коммиссію, бросивъ разбитому подъ Цусимой правительству заявленіе. Они говорятъ въ этомъ заявленіи: „Взволнованная внутренними смутами и омраченная горемъ военныхъ невзгодъ страна наша требуетъ отъ всѣхъ насъ прямого и откровеннаго слова". Ихъ искреннее убѣжденіе, что „единственно призывъ избранныхъ представителей народа можетъ вывести страну изъ настоящаго ея тяжелаго положенія". Послѣ этого они ушли, заявивъ, что не въ силахъ спокойно заниматься текущими вопросами. Министръ пригрозилъ имъ призракомъ революціоннаго недовольства рабочихъ и посовѣтовалъ передумать. Они, однако, остались при прежнемъ рѣшеніи, и Коковцевъ принялся одинъ со своими чиновниками „разрѣшать рабочій вопросъ".

Еще благороднѣе прозвучалъ протестующій голосъ изъ среды нефтепромышленниковъ въ концѣ сентября въ совѣщаніи о возстановленіи работъ на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ. Надъ Баку уже пронеслась къ тому времени вспышка рабочей революціи. Промысла сгорѣли. Весеннія работы коммиссіи Коковцева, оказалось, не предотвратили бѣды. Легко себѣ представить настроеніе нефтепромышленниковъ. Но предсѣдатель совѣщанія, все тотъ же Коковцевъ, имѣлъ смѣлость опять зажимать ротъ нефтянымъ королямъ по вопросамъ политики. Онъ предлагалъ имъ подумать о своемъ карманѣ. Не выдержали нефтепромышленники. Предсѣдатель Техническаго Общества всталъ и сказалъ: „Есть высшіе интересы, чѣмъ интересы нефтепромышленниковъ; быть палачами своихъ людей ни одинъ честный человѣкъ не согласится"... Въ этихъ словахъ слышался голосъ честныхъ французскихъ дворянъ Великой Революціи, которые 2 августа 1789 года отказались отъ своихъ дворянскихъ привиллегій,—го-

лосъ французскихъ буржуа, провозглашавшихъ братство, равенство, свободу.

Но „драма“ эта была чрезвычайно коротка въ коммиссіи бакинскихъ нефтепромышленниковъ. Министръ лукаво отвѣтилъ, что если положеніе такъ ужасно, то слѣдуетъ отложить вопросъ о возобновленіи промысловъ, а слѣдовательно и о ссудѣ. Увы, угроза оказалась дѣйствительной. Капиталисты, друзья конституціи, „защитники рабочаго класса“, показали, что въ денежныхъ дѣлахъ они отказываются отъ всякой чувствительности. Совѣщаніе тотчасъ перешло къ вопросамъ неполитическимъ.

Таковы были представители крупнаго капитала. Неудивительно, что союзъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ земщиной на земско-городскихъ съѣздахъ былъ очень непроченъ. И манифесты съ обѣщаніями уступокъ, двигая вправо всю массу крупныхъ промышленниковъ, рвали и эту связь. За каждымъ намекомъ на уступки со стороны правительства слѣдовали съ ихъ стороны изъявленія благодарности. Черезъ три дня послѣ выхода манифеста о Булыгинской Государственной Думѣ изъ Москвы была получена отъ Московскаго биржевого комитета телеграмма съ выраженіемъ вѣрноподданнической благодарности. И телеграмму эту отправилъ предсѣдатель биржевого комитета, тотъ же Крестовниковъ, который 19 марта безуспѣшно ходатайствовалъ объ участіи представителей отъ промышленности въ коммиссіи Булыгина.

И вотъ, за время съ 6 августа по 17 октября завершилось отпаденіе верховъ торговопромышленнаго класса отъ противоправительственнаго объединенія. На сентябрьскомъ земско-городскомъ съѣздѣ представитель московскаго купечества А. И. Гучковъ грозитъ разрывомъ. 7 октября въ Петербургѣ члены земско-городскихъ съѣздовъ (Красовскій, бар. Тизенгаузенъ) учреждаютъ „прогрессивно-политическую партію“ съ про-

граммой, еще болѣе умѣренной, нежели земская. Семнадцатое октября побуждаетъ петербургскихъ промышленниковъ еще разъ возвысить свой голосъ въ защиту политическихъ правъ рабочаго класса [1]) Но уже черезъ недѣлю промышленники, испуганные широкимъ размахомъ революціи, начинаютъ свое отступленіе. Комитетъ московской хлѣбной биржи заявляетъ, что онъ „нуждается въ авторитетномъ разъясненіи сущности и основъ конституціоннаго управленія государствомъ, при которомъ царскій престолъ незыблемъ и священенъ". Иными словами, московскіе хлѣбные биржевики хлопочутъ передъ правительствомъ объ ограничительномъ толкованіи манифеста. Люди торгово-промышленнаго класса, получивъ октябрьскій манифестъ, открыто становятся на сторону правительства, обособляются въ отдѣльныя партіи, провозглашаютъ анафему крамольникамъ. Во главѣ торгово-промышленныхъ партій становятся представители крупнаго капитала и стараются сдѣлать мелкоту своего класса орудіемъ своихъ собственныхъ интересовъ.

И тотчасъ же возникаютъ партіи торгово-промышленнаго класса. Въ Петербургѣ выдвигается „Торгово-промышленный союзъ", въ Москвѣ—„Торгово-промышленная партія". Петербургское общество для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности основываетъ „Прогрессивно экономическую партію". Московскій съѣздъ представителей промышленности и торговли кладетъ начало „Прогрессивной партіи промышленниковъ и торговцевъ." Всѣ эти партіи выставляютъ себя друзьями свободы и друзьями правительства Витте. Онѣ—защитницы конституціи и враги „крамолы". Поэтому-то онѣ послужили первымъ прочнымъ оплотомъ контръ-революціи.

---

[1]) Въ упомянутой уже запискѣ совѣщательной конторы желѣзо-заводчиковъ (въ Петербургѣ) съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права.

„Да здравствуетъ конституція, долой революцію!“ Этотъ кличъ раздавался все громче и громче. Возникли партіи: „Отечественный союзъ“, „конституціоналисты-монархисты“ (царисты) и т. п. „Отечественный союзъ“ относилъ время своего возникновенія къ основанію апрѣльскаго “Союза русскихъ людей“. Подозрительное происхожденіе для конституціонной партіи! Нотѣмъ не менѣе, одинъ изъ учредителей союза В. Гурно заявляетъ на его собраніи: „Возвратъ къ старому, по крайней мѣрѣ прочный возвратъ, немыслимъ. Мы вступили на путь, по которому шли народы Западной Европы, и сойти съ него больше не можемъ. Поэтому, откинувъ отъ нашего трехчленнаго лозунга, согласно велѣнію Монарха,—коего мы всѣ вѣрнѣйшіе подданные,—самодержавіе, тѣмъ крѣпче будемъ стоять за два другіе его члена—за православіе и народность“. Итакъ, даже эти недавніе защитники самодержавія отказываются отъ него, приспособляясь къ обстоятельствамъ трепеща передъ революціей.

Да здравствуетъ „порядокъ“! И ряды контръ-революціи пополняются „партіей правового порядка“. Она была основана въ дни упорной борьбы противъ правительства, за два дня до 17 октября. Она поднялась въ защиту „порядка“ тогда, когда „порядокъ“ защищался только полиціей. Она создалась для борьбы съ революціей. Это ясно. Но объ этомъ нельзя было говорить во всеуслышанье въ „дни свободы“. И воззваніе партіи, опубликованное 1 ноября, требуетъ свободъ и реформъ и настаиваетъ, въ противоположность другимъ, болѣе передовымъ партіямъ, на преобладаніи въ Россіи великорусской народности. Это называется въ программѣ партіи требованіемъ „единства и недѣлимости Россіи“. Но за всѣми этими громкими словами программы скрывалось неприглядное обличіе партіи. Она сразу принялась оказывать полицейскую поддержку властямъ въ подавленіи всѣхъ свободъ и всѣхъ

правъ. Тайкомъ она подала руку черносотеннымъ партіямъ.

Нельзя было дольше медлить и меньшинству земско-городскихъ съѣздовъ. „Конституціоналисты“ уже засѣдали на учредительномъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи. „Меньшинству“ либеральныхъ съѣздовъ грозила политическая смерть. Его спасло семнадцатое октября. Семнадцатое октября—якорь спасенія враговъ демократіи, воскрешеніе ихъ меркнущей политической чести! Если бы растерявшееся правительство сдалось на демократическую конституцію, „меньшинству“ либеральнаго блока пришлось бы бросить всякую личину народолюбія и тащить Россію назадъ. Но неясный манифестъ, который обѣщалъ народу участіе въ законодательствѣ и управленіи „въ согласіи съ Царемъ, *) развязывалъ руки и языки бывшимъ „самаритянамъ“ и отступникамъ земскаго либерализма. Основался такой же неясный, какъ и самъ манифестъ, двусмысленный „Союзъ 17 октября“. Д. Н. Шиповъ, М. А. Стаховичъ, бар. П. Л. Корфъ, А. И. Гучковъ—стали четырьмя апостолами-евангелистами Октябрьскаго союза. Они поставили свою святыню, октябрьскій манифестъ, въ красный уголъ своей „политической платформы“ и сдѣлали глубокій поклонъ конституціонному министру гр. Витте. Новая партія порядка заняла прочное мѣсто въ рядахъ контръ-революціи. Впослѣдствіи вокругъ нея сложилась добрая дюжина ничего незначущихъ группъ съ громкими названіями и длинными широковѣщательными программами. Достаточно будетъ здѣсь просто перечислить наиболѣе видныя изъ нихъ. Такова русская партія народнаго центра (февраль 1906 г.); царисты (монархисты-конституціоналисты); конституціонно-монархическій союзъ мирнаго обновленія (январь 1906 г.); русскій народническій всесословный союзъ и др.

*) Учредительское воззваніе союза 17 октября.

Земско-городской блокъ распался уже окончательно. „Шиповцы“ были потеряны для либеральнаго объединенія; это стало ясно еще на сентябрьскомъ съѣздѣ. Бывшіе „самаритяне“ ушли еще дальше. „Большинство“ знаменитыхъ съѣздовъ теряло вмѣстѣ съ этими отщепенцами и связь со всей земщиной. Звено, связывавшее либеральныхъ земцевъ съ торгово-промышленнымъ классомъ, тоже было утеряно, когда А. Гучковъ и Красовскій заявили себя врагами областного самоуправленія (автономіи) Польши. А въ концѣ сентября уже раздавались подземные удары грядущаго революціоннаго землетрясенія. Въ октябрѣ „революціонный народъ“ напоминалъ о себѣ московскими стачками. Бывшимъ земскимъ либераламъ нужно было безотлагательно основать сильную партію или рѣшиться на политическую смерть. Они готовы были кинуться влѣво, вплоть до окончательнаго согласія на Всенародное Учредительное Собранье, лишь бы только успокоить, предотвратить „революціонный взрывъ“. Они были готовы отказаться отъ Учредительнаго Собранія, лишь бы привлечь въ партію умѣренныхъ, лишь бы опять-таки предотвратить революцію. Тогда на встрѣчу имъ пошли болѣе рѣшительные демократы и предложили основать конституціонно-демократическую партію. Это были члены „Союза Освобожденія“. Они еще съ весны 1905 года пытались превратить свой союзъ въ подобную партію. Первая попытка была ими сдѣлана на очередномъ третьемъ мартовскомъ съѣздѣ Союза, но кончилась неудачей. Тамъ они, послѣ долгихъ пререканій, постановили отстаивать народовластіе, но разошлись непримиримо на вопросѣ о политическомъ равноправіи женщинъ. Въ концѣ концовъ объединеніе всѣхъ членовъ союза на общей политической программѣ не состоялось. Союзъ остался союзомъ самостоятельныхъ группъ. Затѣмъ іюльскій съѣздъ земцевъ-конституціоналистовъ, оплакавъ іюньскую депутацію, постановилъ

создать конституціонно-демократическую партію. То же самое сдѣлалъ на четвертомъ очередномъ съѣздѣ въ августѣ и „Союзъ Освобожденія". Тѣ и другіе разсчитывали привлечь въ партію членовъ „большинства" земско-городскихъ съѣздовъ. Учредительный съѣздъ представителей всѣхъ этихъ группъ былъ назначенъ на 12 октября и начался подъ шумъ октябрьской революціи. Многіе изъ ожидавшихся на съѣздъ представителей отсутствовали. Тѣмъ не менѣе съѣздъ состоялся и вынесъ программу партіи. На этомъ съѣздѣ демократы-освобожденцы берутъ верхъ, и съѣздъ значительнымъ большинствомъ голосовъ принимаетъ требованіе Учредительнаго Собранія. Такимъ рѣшительнымъ языкомъ говорилъ демократическій либерализмъ на гребнѣ революціонной волны въ дни октябрьскаго возстанія. Мѣсяцъ спустя, на другомъ (учредительномъ петербургскомъ) съѣздѣ представители партіи сумѣли легко отвязаться отъ стѣснительныхъ рѣшеній октябрьскаго съѣзда. Милюковъ назвалъ первый съѣздъ по составу „ненормальнымъ", и голосованье рѣшило считать программу партіи необязательной. Но даже и этотъ „ненормальный" для либераловъ своей рѣзкостью съѣздъ не сумѣлъ сдѣлать требованіе женскаго равноправія обязательнымъ для всѣхъ членовъ партіи. Равнымъ образомъ, онъ одобрилъ только „мирную" политическую забастовку.

Въ концѣ концовъ партія начинаетъ складываться не въ обсужденіи программы, а въ тотъ моментъ, когда телефонъ принесъ въ залъ засѣданій вѣсть о манифестѣ. Разсчеты участниковъ съѣзда при этомъ мѣняются. Однихъ „конституція" удовлетворяетъ, и они клянутся „не отдавать ее назадъ". Другіе объявляютъ манифестъ недостаточнымъ, голосуютъ за требованіе Учредительнаго Собранія, а послѣ съѣзда даже выходятъ изъ партіи.

Конституціонно-демократическая партія еще коле-

блется и не сразу бросается въ объятія контръ-революціи. Ея роль и судьбу рѣшаетъ партійная борьба слѣдующихъ мѣсяцевъ. Она узнаетъ себя болѣе ясно только на январскомъ съѣздѣ. А тѣмъ временемъ вокругъ нея слагаются другія, менѣе значительныя группы и партіи. Во второй половинѣ января въ Москвѣ основывается „клубъ независимыхъ“ въ числѣ около 200 членовъ, съ княземъ Евг. Трубецкимъ во главѣ учредителей. Въ Петербургѣ въ то же время, по почину редакціи умѣренно-либеральнаго „Вѣстника Европы“, учреждается „Партія демократическихъ реформъ“. Обѣ эти малочисленныя группы единомышленны между собой, и объявленная ими программа умѣреннѣе программы конституціонно-демократической партіи. Онѣ безусловно возстаютъ противъ Учредительнаго Собранія и противъ распространенія правъ областного самоуправленія на всѣ вообще окраины, а во всемъ остальномъ слѣдуютъ за конституціонно-демократической партіей. Но они не хотятъ подчиняться ей въ своихъ дѣйствіяхъ. Еще бы! Программы ни къ чему не обязываютъ, но „партійность“ требуетъ подчиненія, а Партія народной свободы кажется имъ „неблагонадежной“.

Безконечное дробленіе на группы обнаруживало политическую недозрѣлость буржуазіи. Правыя конституціонныя партіи обвиняютъ конституціоналистовъ-демократовъ въ революціонности. И за что? За признаніе автономіи, за требованіе политической отвѣтственности министровъ передъ большинствомъ Государственной Думы. Другихъ важныхъ программныхъ различій у Партіи народной свободы съ партіями праваго крыла буржуазіи не было. И эта же „неблагонадежная“ партія никакъ не можетъ добиться поглощенія многихъ и многихъ изъ дѣятелей разночинной демократіи. Они сторонятся отъ нея, обвиняя ее въ избыткѣ благонадежности. Бывшіе освобожденцы покидаютъ ее на

учредительномъ съѣздѣ. И лѣвѣе ея возникаютъ радикальная партія и партія свободомыслящихъ.

Остается еще нѣсколько осколковъ отъ раздробленной буржуазной демократіи, напримѣръ: „Демократическій союзъ конституціоналистовъ" и „Умѣренно-прогрессивная партія". Звучныя названія, длинныя широковѣщательныя программы—вотъ что даютъ до сихъ поръ народу эти неопредѣленныя группы. Двери всѣхъ этихъ „партій" широко открыты для разночинной демократіи, бѣгущей изъ боевыхъ „профессіональныхъ союзовъ". Будущее покажетъ, на что способны окажутся ея представители помимо прогрессивныхъ заявленій. Но за первые мѣсяцы послѣ октябрьскаго перелома разночинная масса не столько выступала подъ знаменами всѣхъ этихъ партій, сколько скрывалась за ними. Для согласованныхъ дѣйствій, для „ограниченія личной свободы" партійными уставами и подчиненіемъ партіямъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, *) „не настало еще время".

Далеко не такого мнѣнія было правительство. Оно находило, что пора приступить и къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Союзъ союзовъ былъ устрашенъ, безмолствовалъ и бездѣйствовалъ, земско-городской союзъ распадался. Партіи одна за другой всенародно свидѣтельствовали свою контръ-революціонность. Пора! Витте сбросилъ свою конституціонную маску и составилъ себѣ министерство изъ такихъ палачей по призванью, какъ Дурново и Акимовъ. Черносотенцамъ была дана дѣйствительная свобода дѣйствій и гарантіи неприкосновенности ихъ во всѣхъ преступленіяхъ. „Союзъ русскаго народа", основанный въ Петербургѣ въ октябрѣ членомъ „Русскаго собранія" Дубровинымъ, принялся за работу. Основался союзъ добровольцевъ подъ

*) Воззваніе Партіи демократическихъ реформъ. Вѣстникъ Европы. Февраль 1906 г.

названіемъ „Союза активной борьбы съ революціей". Рабочіе кварталы Петербурга были отданы самоуправству черныхъ сотенъ. А въ центрѣ столицы, въ Михайловскомъ манежѣ, разыгрывались дикія сцены. „Пора отъ словъ перейти къ дѣлу", взываетъ на митингѣ «Союза русскаго народа» чиновникъ особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ Пурышкевичъ,—„берите мечъ въ руки, хватайте за горло и душите этихъ мерзавцевъ-крамольниковъ!" *).

Витте уже опирался на контръ-революціонность буржуазныхъ партій и направлялъ на враговъ самодержавія черный терроръ при посредствѣ хулигановъ, казаковъ и полиціи. Но это было только начало правительственной контръ-революціи.

---

*) „Сынъ Отечества", № 236. 1905 г.

ГЛАВА IV.

БОРЬБА ПАРТІЙ.

„Остановись, солнце!“ воззвалъ къ небесамъ библейскій герой Іисусъ Навинъ, для того чтобы выиграть битву, удержать за собой поле сраженія. И библейское солнце остановилось. Но не остановилось семнадцатаго октября солнце русскаго освобожденія—пролетарская революція, несмотря ни на какія заклинанія буржуазныхъ политиковъ. Пролетарская революція не могла остановиться на семнадцатомъ октября. Для народа октябрьскій манифестъ былъ только обязательствомъ правительства, и предстояло еще взыскать съ правительства народную свободу по этому обязательству. Рабочіе массы понимали это и воспользовались „свободой“ прежде всего для того, чтобы организовать свои революціонныя силы. Если часть населенія и была склонна преждевременно праздновать побѣду, то провинціальные погромы и столичныя нападенія войскъ на толпу вывели его изъ мечтательнаго настроенія. Кличемъ дня уже съ 18 октября стала „милиція“. Въ этотъ день въ послѣдній разъ боевой пролетарскій кличъ былъ подхваченъ массами организованной разночинной демократіи. Всѣ собранія союзовъ этого дня въ Петербургѣ постановили поручить организацію милиціи руководству Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Разночинная демократія ввѣряла охрану свободы въ надежныя руки представителей рабочаго класса. Но рѣшенію этому не суждено было осуществиться. На это

не соизволила дать своего согласія ея величество, промышленная буржуазія. Петербургская, Московская и провинціальныя думы отклонили предложеніе граждан объ организаціи милиціи. Засѣдавшіе въ думахъ представители городского капитала галлюцинировали призракомъ соціальной революціи. Самодержавіе царя имъ казалось уже не страшнымъ, а самодержавіе революціи рисовалось имъ грознымъ призракомъ, и они не дали ей возможности организовать вооруженную самозащиту.

Отъ самодержавія правительства правящіе классы вмѣстѣ со всѣмъ народомъ были защищены однимъ только листомъ бумажной конституціи. Отъ рабочихъ массъ ихъ владѣльческіе интересы были защищены цѣлымъ рядомъ преградъ: силами капитала, неподвижностью среднихъ слоевъ населенія, сознательностью передовыхъ рабочихъ, которые были далеки отъ революціоннаго самообольщенія, отъ мысли сломить могущество капитала. Политическіе скряги не поняли этого. Животный страхъ передъ пролетарской мощью одеревенилъ ихъ глаза и уши. Они положились на прочность „листа бумаги“ и, наоборотъ, стали мнительно ограждать себя со стороны массъ. Началась борьба буржуазныхъ партій, но не борьба ихъ противъ черносотенныхъ группъ и правительства, а противъ организованныхъ соціалдемократіей рабочихъ массъ. Отъ торгово-промышленнаго класса не отставали земскіе дѣятели, увлекая за собой и разночинцевъ. Этимъ либералы довершили разложеніе демократическаго объединенія Союза союзовъ и на обломкахъ его и земско-городскихъ съѣздовъ построили свою „Партію народной свободы“.

На учредительномъ съѣздѣ этой партіи въ дни октябрьской революціи было установлено, что вопросъ идетъ о томъ, какъ замѣнить „стихійный взрывъ“ мирнымъ движеніемъ. А черезъ мѣсяцъ, въ дни мирной,

голодной борьбы рабочихъ за восьмичасовой рабочій день, въ Партіи народной свободы говорилось подъ громъ апплодисментовъ слѣдующее: „необходимо бороться со всѣми теченіями, стремящимися принизить культуру (!), не страшась никакихъ обвиненій... Страшна хозяйственная дезорганизація (т. е. разстройство) страны!“ *) Еще черезъ недѣлю тотъ же ораторъ партіи на учредительскомъ собраніи петербургскаго отдѣла ея бросаетъ, ничего „не страшась“, обвиненіе соціалдемократической партіи въ томъ, что она „проповѣдуетъ принципіальную дезорганизацію общества“, иными словами—проповѣдуетъ разрушеніе общества. Поэтому ораторъ зоветъ партію итти походомъ въ рабочіе кварталы отвоевывать себѣ у нея членовъ въ свою партію.

Каковы же были на самомъ дѣлѣ „преступленія“ соціалдемократіи въ теченіе октября, ноября 1905 г.?

Прежде всего нужно замѣтить, что съ октябрьскихъ дней слабая до того времени соціалдемократическая партія охватила, организовала рабочее движеніе столицъ, фабричныхъ и портовыхъ городовъ, а мѣстами даже и сельское населеніе уѣздовъ. Стало быть, нападки на нее относились къ рабочему движенію. И именно за то, что она и революціонное рабочее движеніе были тождественны, именно за это она и подвергалась нападкамъ враговъ революціи. Теоретическій соціализмъ ея былъ тутъ не причемъ. Другая соціалистическая партія (Партія соціалистовъ-революціонеровъ) далеко не такъ занимала и раздражала буржуазныхъ политиковъ. Это объясняется тѣмъ, что соціалъ-революціонная партія не представляла собой рабочаго движенія.

На примѣрѣ Петербурга можно видѣть, что рабо-

---

*) П. Б. Струве на собраніи членовъ конст.-демократической партіи 11 ноября 1905 г.

чее движеніе этого періода революціи было соціалдемократическимъ. Рабочіе столицы собрались въ дни октябрьской стачки по заводамъ и фабрикамъ и избрали своихъ депутатовъ. „13 октября было первое засѣданіе делегатовъ, 14 октября на собраніи присутствуютъ делегаты 40 заводовъ, союза конторщиковъ и дѣятелей печатнаго слова, а на третьемъ засѣданіи въ Совѣтѣ уже 226 депутатовъ отъ 96 предпріятій, представители объединеннаго стачечнаго комитета желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ и пяти профессіональныхъ союзовъ. *) И этотъ „Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ“ состоялъ преимущественно изъ соціалдемократовъ. Но пользовался ли онъ вліяніемъ на массы? Вліяніе это было огромно. Объявляемая Совѣтомъ стачка немедленно охватывала заводы и фабрики. Передъ его представителями открывались двери всѣхъ типографій для печатанія его „Извѣстій“. „Бывали случаи, когда участки открывали двери арестованнымъ рабочимъ по первому требованію Совѣта“. Когда хулиганы въ союзѣ съ полиціей назначили на 30 октября въ Петербургѣ погромъ, Совѣту достаточно было обратиться съ воззваніемъ къ пролетаріату, и всѣ заводы сразу превратились въ оружейныя мастерскія; въ одинъ день петербургскій пролетаріатъ вооружился въ достаточной мѣрѣ,чтобы дать отпоръ черной сотнѣ, если она не будетъ дѣйствовать подъ явнымъ и очевиднымъ прикрытіемъ войскъ **). И этотъ Совѣтъ „чутко прислушивался къ голосу соціалдемократіи“. Въ Москвѣ и большихъ провинціальныхъ городахъ тоже возникли Совѣты Рабочихъ Депутатовъ и также были соціалдемократическими. Тамъ, гдѣ Совѣтъ не успѣлъ развиться, во главѣ рабочаго движенія безраздѣльно стоялъ комитетъ соціалдемократической партіи. Соціалдемократія и рабочее движеніе, повторяемъ, слились воедино. Это

*) „Начало“ № 2. „Совѣтъ рабочихъ депутатовъ“.
**) Тамъ же.

была „рабочая партія“ въ полномъ смыслѣ этого слова. Не было „якобинцевъ“, которые, очертя голову, вели рабочія массы въ „безумную борьбу“. Были представительныя учрежденія, избранныя сотнями тысячъ, обсуждавшія каждый свой шагъ при полной гласности своихъ засѣданій, не скрываясь даже отъ полиціи. Поэтому всѣ обвиненія противъ соціалдемократіи революціоннаго времени относятся прямо къ рабочему классу, къ рабочей революціи. Эта революція, дѣйствительно, стремилась осуществить ближайшія требованія соціалдемократической программы. И среди этихъ требованій были и „демократическая республика“ и „восьмичасовой рабочій день“. Требованіе „демократической республики“ было подхвачено рабочими въ противоположность всѣмъ остальнымъ буржуазнымъ партіямъ. Оно сдѣлалось дѣйствительнымъ рабочимъ требованіемъ. Но развѣ въ октябрьскіе, ноябрскіе и декабрьскіе дни шла борьба непосредственно за республику противъ монархіи? Нѣтъ. Борьба шла за Учредительное Собраніе противъ правительства. И сколько бы ни изощрялись враги революціи, имъ не удастся доказать, что соціалдемократическій пролетаріатъ приставалъ къ буржуазному обществу съ крикомъ: республика или смерть!

Враги революціи—и первые изъ нихъ либералы изъ Партіи народной свободы—обвиняютъ рабочую революцію въ „дезорганизаціи общества“. Какъ же, напримѣръ, петербургскій пролетаріатъ „дезорганизовалъ общество“? На октябрьскій манифестъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ отвѣтилъ прекращеніемъ стачки. Затѣмъ онъ организовалъ самозащиту и защиту гражданъ отъ ожидаемыхъ черносотенныхъ погромовъ. Это онъ дѣлалъ въ защиту личной неприкосновенности гражданъ. Подъ его руководствомъ стало съ страшной быстротой развиваться профессіональное объединеніе столичныхъ рабочихъ. Это было осуществленіе сво-

боды союзовъ. Создавались профессіональные и партійные (и даже внѣпартійные) клубы, т. е. собранія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, что должно быть признано самымъ сдержаннымъ пользованіемъ свободой собраній и слова. Пролетаріатъ не сталъ пренебрегать отвоеванными свободами. Не хватало ему одной свободы: личной, тѣлесной. Ея ему не дала октябрьская конституція. Она не ограничила часовъ его ежедневнаго заключенія въ заводахъ и фабрикахъ. Но въ распоряженіи рабочихъ была свобода стачекъ, т. е. свобода сговора противъ условій найма, свобода отъ старыхъ договорныхъ условій. До октября даже и буржуазные политики не отказывали рабочимъ въ этомъ правѣ; они отстаивали его передъ властями. Но вотъ рабочіе скопомъ и по уговору сокращаютъ на 1, 2, 3 часа, до восьмичасового, свой рабочій день въ „дни свободы". И что же? Либеральная буржуазія и ея сподручные газетчики объявляютъ это „соціальной революціей". Хозяева заводовъ и фабрикъ при содѣйствіи властей закрываютъ заводы и фабрики и выбрасываютъ на мостовую многія тысячи рабочихъ и ихъ семействъ. Они, эти недавніе защитники „невмѣшательства въ договорныя отношенія", прибѣгаютъ къ полицейскому покровительству. Стало очевидно, что промышленники не прочь пользоваться закономъ и властью для защиты своихъ интересовъ; но они противъ подобной защиты интересовъ рабочихъ. Такъ борьба въ „дни свободы" учила понимать программы различныхъ партій торгово-промышленнаго класса съ ихъ широкими обѣщаніями по адресу рабочихъ.

Но столичный пролетаріатъ не ограничивался борьбой за свои классовыя права и свободы. Онъ прежде всего и главнымъ образомъ боролся противъ произвола октябрьскаго правительства. 2 ноября рабочія массы Петербурга по призыву Совѣта Р. Д. начали новую забастовку съ требованіями отмѣны военнаго положенія

въ Польшѣ и отмѣны военнаго суда надъ возставшими кронштадтскими матросами. Въ этой стачкѣ рабочія массы столицы были уже одиноки. Разночинная демократія въ лицѣ Союза союзовъ ей только „сочувствовала.“ Зато „Партія народной свободы“ обрушилась на забастовщиковъ съ жесточайшими осужденіями. 11 ноября на собраніи членовъ этой партіи все тотъ же Струве призывалъ бороться съ подобными стачками, которыя губятъ, по его мнѣнію, страну. А еще черезъ недѣлю на упомянутомъ выше учредительномъ собраніи петербургскаго отдѣла партіи члены ея, пугаясь призрака рабочей революціи, отказываются отъ демократическихъ требованій партійной программы. Струве заявляетъ, что можно быть членомъ конституціонно-демократической партіи и стоять за двустепенные выборы. Либералы рвутъ послѣднія связи съ революціоннымъ народомъ, отказываются на ноябрьскомъ земско-городскомъ съѣздѣ отъ требованія Учредительнаго Собранія, отказываются отъ него и на послѣдующемъ съѣздѣ партіи, всѣми силами увлекаютъ за собой разночинную и даже рабочую демократію въ борьбу противъ революціи и называютъ это „организаціей общественнаго мнѣнія.“ Положимъ, походъ, объявленый ими въ пролетарскую среду, не очень-то удается. На рядѣ собраній, особенно въ Москвѣ (18 ноября на собраніи приказчиковъ въ Акваріумѣ, 22 ноября на митингѣ городскихъ служащихъ и т. д.), ораторы ихъ тщетно нападаютъ на требованіе республики, на призывъ къ возстанію; вопреки имъ, тысячи голосовъ подаются за то и другое, и ораторовъ „Партіи народной свободы“ встрѣчаютъ свистки и протесты. Но, если за либералами этой партіи не идутъ пролетаріи, зато разночинная демократія перебѣгаетъ къ нимъ изъ всевозможныхъ союзовъ. Массы остаются одинокими въ революціонной борьбѣ; среднія слои теперь уже за ними не слѣдуютъ.

Все готово для побѣды правительства надъ револю-

ціей. 26 ноября власти арестуютъ предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Хрусталева. 3 декабря войска, полиція, жандармы окружаютъ и арестуютъ открытое собраніе Совѣта изъ 200 депутатовъ. Аресты растутъ, преслѣдованія учащаются. Черносотенцы наглѣютъ. 22 ноября извѣстный ораторъ „Русскаго Собранья" выступаетъ передъ гвардейскимъ Семеновскимъ полкомъ, призывая его къ контръ-революціи. И правительство возстановляетъ старый режимъ.

„Нѣтъ закона, нѣтъ свободы!" говоритъ декабрьское воззваніе Совѣта Р. Д. и трехъ соціалдемократическихъ партій ко всему народу". . . . . . . „Именными царскими указами и админастративными распоряженіями правительство отмѣняетъ и урѣзываетъ завоеванныя нами политическія права. Правительство конфискуетъ и закрываетъ газеты. Оно разгоняетъ собранья. Оно запрещаетъ союзы. Оно издало законъ, который назначаетъ наказанія за стачки. Оно отнимаетъ всѣ права у служащихъ желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ. Оно производитъ аресты политическихъ дѣятелей по всей странѣ".

„Мы знаемъ,—говорятъ въ другомъ мѣстѣ извѣстія Совѣта Р. Д.,—что пока не устранено самодержавіе, пока не установлено народное правительство, до тѣхъ поръ нѣтъ гарантій политическихъ правъ... Правительство хочетъ борьбы,—такъ пусть же ему будетъ борьба"...—А правительство такъ хотѣло борьбы, что страшными притѣсненіями отвѣтило на почтово-телеграфную забастовку и начало въ Москвѣ борьбу противъ митинговъ вооруженной силой. Отступать передъ нимъ было безцѣльно. Это значило бы встрѣтить удары контръ-революціи при отступленіи, съ тылу. И Москва возстала.

Московскій фабричный пролетаріатъ, интеллигентные пролетаріи, разночинцы-демократы смѣло, беззавѣтно, не оглядываясь назадъ, встали на защиту на-

родной свободы. Если бы они оглянулись назадъ, то увидали бы, что буржуазная демократія уже не идетъ за ними, а дѣятели земствъ и городовъ отстали еще сильнѣй, нежели демократія. Представители Союза союзовъ отвергли безъ обсужденія внесенное на ихъ собраніи предложеніи поддерживать предстоящее выступленіе революціоннаго пролетаріата. На этотъ разъ Центральное Бюро Союза союзовъ оказалось неспособно на роль передового вождя разночинной демократіи. Оно уже не чувствовало за собой прежняго вліянія и власти, и не рѣшалось дѣйствовать помимо отдѣльныхъ союзовъ. А въ отдѣльныхъ союзахъ вопросъ о такой поддержкѣ обсуждался еще въ сентябрѣ—октябрѣ и былъ рѣшенъ отрицательно. Но это рѣшеніе не помѣшало, однако, Центральному Бюро Союза союзовъ обѣщать поддержку союзовъ Совѣту Рабочихъ Депутатовъ. Обѣщаніе не было исполнено.

А гдѣ и когда покинули народъ либеральныя группы? Онѣ растеряли остатки своего либерализма въ отступленіи передъ призракомъ рабочей коммуны и соціальной революціи во время бѣгства изъ горящихъ усадьбъ. Первый страхъ былъ болѣзненнымъ бредомъ владѣльческой алчности. Второй имѣлъ свое оправданіе. Дѣйствительно, либеральнымъ помѣщикамъ было чего испугаться. „Революціонный народъ“ деревень говорилъ. Но заговорилъ онъ не языкомъ почтительныхъ петицій, а страшнымъ языкомъ крестьянской революціи. Бѣдные потомки „шестидесятниковъ“! Не они ли, поколѣнье за поколѣніемъ, обсуждали и защищали крестьянскій вопросъ? Не они ли рѣшали его въ пользу крестьянъ по мѣрѣ возможности? И теперь на нихъ же обрушивается гнѣвъ „неблагодарныхъ крестьянъ“. Красный пѣтухъ такъ же безпощадно грозитъ усадьбѣ либерала Петрункевича, какъ и усадьбѣ министра Дурново. Почему? Потому что теперь рѣшать крестьянскій вопросъ принялись сами крестьяне. И

только. Въ шестидесятыхъ годахъ помѣщики рѣшали крестьянскій вопросъ. Они нашли возможнымъ урѣзать крестьянамъ худшую часть ихъ былыхъ крестьянскихъ земель. Они не нашли возможнымъ отдать эту землю крестьянамъ безъ выкупа. Теперь либералы хотятъ надѣлять крестьянъ землей тоже „по мѣрѣ возможности". И вотъ они сами берутся опредѣлять степень этой возможности сначала въ программѣ Партіи народной свободы, потомъ въ Государственной Думѣ изъ ставленниковъ капитала и правительства. Но взрывъ нетерпѣнія заставляетъ крестьянство насильемъ осуществлять „возможность" захвата земли. Для нихъ возможность эта рождается въ революціонной борьбѣ и чудится въ слѣпомъ бунтарствѣ. Ужасъ и смятенье охватываютъ дѣятелей земства передъ картиной разрушенія. Революціонный взрывъ можетъ быть предотвращенъ только уступками, но правительство вмѣсто осуществленія октябрьскихъ обѣщаній борется съ революціей насиліемъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, въ такой тревогѣ земскіе и городскіе дѣятели еще разъ собираются на объединенный съѣздъ въ Москвѣ, въ годовщину знаменитаго ноябрьскаго совѣщанья (6 ноября 1905 г.). „Не время раскалываться на партіи", говоритъ на съѣздѣ тверской делегатъ И. И. Петрункевичъ. „Когда гибнетъ страна, всѣ должны протянуть другъ другу руки. Я не соціалистъ, но въ этотъ моментъ я готовъ и имъ протянуть руку, если только они признаютъ возможнымъ отказаться отъ классовыхъ интересовъ и объединиться для освобожденія отечества". Такъ продолжалъ тотъ же ораторъ. Но соціалисты не отказались отъ защиты интересовъ народа, и либералы не протянули имъ руки, а вмѣсто того, подняли руку противъ революціи. Революцію съѣздъ назвалъ анархіей, а истиннаго виновника анархіи, правительство, рѣшилъ поддержать. Онъ взялъ на себя роль спасителя отечества и отдалъ

рѣшеніе судьбы отечества въ руки царскаго правительства. Онъ отказался отъ апрѣльскаго требованія Учредительнаго Собранія и высказался за „выработку конституціи Россійской Имперіи первымъ собраніемъ народныхъ представителей съ утвержденія государя“. Самъ онъ, съѣздъ, предрѣшалъ форму правленія, конституціонную монархію, а народныя массы онъ отстранялъ отъ установленія основныхъ законовъ. Установленіе ихъ съѣздъ предоставилъ императору. И эту борьбу противъ основныхъ правъ народа усиленно вели на съѣздѣ нѣкоторыя изъ представителей „Партіи народной свободы“.

Революціонный народъ былъ безвозвратно покинутъ представителями капитала и крупнаго землевладѣнія. Нѣмецкая буржуазная „Франкфуртская газета“ въ эти дни пишетъ о московскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей: „Среди нихъ не нашелся второй виконтъ де-Ноайль, который предложилъ бы своимъ товарищамъ отказаться отъ правъ и привилегій дворянства, какъ это было въ ночь на 4 августа 1789 года. На московскомъ съѣздѣ тоже нѣтъ недостатка въ красивыхъ словахъ и громкихъ фразахъ, но тамъ незамѣтно того идеализма и воодушевленія, которое обнаруживали въ началѣ Великой Революціи всѣ французскія сословія: буржуазія, духовенство, дворяне“. Да, совершенно напрасно было бы искать на этомъ съѣздѣ самоотверженнаго де-Ноайля. Зато на немъ былъ А. И. Гучковъ, который заявилъ: „Я противъ отмѣны военнаго положенія“. И вотъ, ради союза съ Гучковыми, „либералы“ покинули революціонный народъ, отказались отъ требованія Учредительнаго Собранія. Стоя между властью и народомъ, они разступились и дали дорогу палачамъ. Но и этой цѣной опи не купили желаннаго союза съ врагами народа. На ихъ призывъ къ объединенію имъ отвѣчали оскорбленіями. Кіевская дума отвѣтила черезъ полицію, что она считаетъ чле-

новъ съѣзда самозванными представителями земствъ и городовъ. Гучковъ имъ доложилъ объ основаніи Союза 17 октября. А когда съѣздъ послалъ къ Витте делегатами Муромцева, Кокошкина и Петрункевича съ предложеніемъ политическихъ услугъ на извѣстныхъ условіяхъ, Витте даже не удостоилъ делегатовъ отвѣтомъ.

Но правительство приняло къ свѣдѣнію состоявшійся фактъ преждевременной смерти противоправительственнаго объединенія и послало въ Москву Дубасова, а въ Петербургѣ приготовило войска и пулеметы. Московское возстаніе было подавлено послѣ отчаянной защиты. Рабочія предмѣстья Петербурга поднялись на призывъ Совѣта Р. Д. и соціалистическихъ партій. Но Петербургъ буржуазно-демократическій не вышелъ имъ на встрѣчу. Сопротивленіе властямъ оказалось немыслимо. И власти отпраздновали свою побѣду. Въ покоренной Москвѣ началась жестокая охота за революціонерами. Печать была задушена во всей странѣ; тюрьмы, недавно опустѣвшія послѣ амнистіи, теперь наполнились сверхъ всякой мѣры. Цифра арестованныхъ росла и дошла до 72 тысячъ. Союзы подверглись гоненіямъ, собранія были запрещены. Черныя сотни продолжали вооружаться и становились со дня на день все наглѣе и наглѣе. Революціонная волна рушилась въ бездну.

Въ эти дни пришлось сказать свое слово и конституціонно-демократической партіи. 6 января 1906 года въ Петербургѣ собрался второй всероссійскій съѣздъ этой партіи.

Изъ докладовъ и рѣчей на съѣздѣ выяснилось, что объединенные въ партіи либералы-помѣщики и разночинцы-демократы рѣшили сойтись на общихъ требованіяхъ и отказаться отъ всего, что могло бы разъединить эти группы. Ихъ объединила борьба за конституцію и боязнь революціи. Опасность раскола тревожитъ собраніе съѣзда при разногласіяхъ по разнымъ

вопросамъ. „Мы оппозиціонный (т. е. противоправительственный) блокъ“, восклицаетъ В. Гессенъ,—„и имъ мы должны остаться. Нашъ лозунгъ: „Будемъ едины“. —„Мы должны ограничить себя справа и слѣва“, заявляетъ П. Струве. И съѣздъ завершаетъ дѣло отграниченія либеральной буржуазіи слѣва и справа. Въ программѣ строго проводится то, что предлагалось учредителями партіи на первомъ съѣздѣ: „отмежеваться отъ чисто классовой доктрины (т. е. ученія) пролетаріата и отъ общественныхъ силъ, имѣющихъ со временемъ создать политическія группы аграріевъ (т. е. крупныхъ землевладѣльцевъ) и промышленниковъ“. И это было проведено съѣздомъ путемъ поправокъ въ программѣ, особенно въ той ея части, которая касалась отграниченія отъ демократическихъ требованій рабочаго класса. Для этого съѣзду пришлось вытравить изъ своей программы всѣ остатки революціонности, которую земскіе либералы проявили на апрѣльско-майскомъ земскомъ съѣздѣ. То вѣдь было въ весну ихъ противоправительственнаго блока! То было до конституціонныхъ подачекъ со стороны правительства! То было до октябрьской, ноябрьской и декабрьской пролетарской революціи! Они тогда, сгоряча, подхватили рабочее требованіе Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Но

„Des Lebens Mai blüht einmal und nicht wieder *),
„Май жизни разъ для насъ роскошно расцвѣтаетъ“,
„Mir war er abgeblüht“.
„Онъ для меня отцвѣлъ“.

Для русскихъ либераловъ онъ безвозвратно миновалъ. Наслѣдникъ земскаго либерализма—либерализмъ буржуазно-демократическій—говоритъ гораздо болѣе сухимъ, сдержаннымъ языкомъ. И съѣздъ разъясняетъ,

---

* Schiller. „Resignation“.

что принятое первымъ съѣздомъ выраженіе „Учредительное Собраніе“ не означаетъ собранія, облеченнаго всей „полнотой власти“. Стало быть, съѣздъ возвращается къ рѣшенію ноябрьскаго земско-городского съѣзда о выработкѣ конституціи съ утвержденіемъ ея государемъ. Иными словами, съѣздъ отказывается отъ защиты народовластія. Онъ идетъ на борьбу съ народомъ, на борьбу противъ революціи. Рабочую революцію онъ предполагаетъ утишить созывомъ народныхъ представителей подъ покровомъ верховной власти царя. Но разсчетъ съ крестьянской революціей земскіе дѣятели не рѣшаются откладывать до созыва всенароднаго представительнаго собранія, а тѣмъ болѣе они не согласны довѣрить самимъ крестьянамъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ дни революціи. Другое дѣло представительное собраніе, созванное послѣ того, какъ революція угаснетъ. Оно не представитъ такой опасности для землевладѣльческихъ интересовъ, какъ Учредительное Собраніе, облеченное полнотой власти—это воплощеніе революціи и народовластія. Поэтому боязнь земельнаго переворота обостряетъ вопросъ объ участіи въ Думѣ. Представители московскаго студенчества на съѣздѣ великодушно защищаютъ народъ, требуя для него немедленной замѣны Думы Учредительнымъ Собраніемъ вслѣдъ за ея созывомъ. В. М. Гессенъ проситъ подчеркнуть, что работа въ Думѣ, какъ въ учрежденіи постоянномъ, невозможна. І. В. Гессенъ болѣе чутокъ къ помѣщичьимъ нуждамъ. Онъ настаиваетъ на обсужденіи аграрнаго вопроса въ Думѣ. Съѣздъ почти единогласно находитъ лишнимъ даже обсуждать предложеніе В. М. Гессена. Большинствомъ 91 противъ 4 рѣшено заняться въ цензовой Думѣ мѣропріятіями, безусловно неотложнаго характера, которыя необходимы для успокоенія страны. „Мы—оплотъ спокойствія“, горделиво говоритъ Ѳ. И. Родичевъ: „Не только внѣшній миръ, но и дѣло внутренняго земскаго мира можетъ

быть осуществлено только конституціонно-демократической партіей". И тутъ же Родичевъ говоритъ то, о чемъ другіе земскіе дѣятели только думаютъ. Онъ рисуетъ богатую красками картину того, какъ Государственная Дума дастъ въ руки конституціонно-демократической партіи власть временнаго правительства. „Серьезная партія", говоритъ онъ, „должна явиться въ Думу съ готовностью принять на себя бремя власти... Вы должны дѣйствовать съ тѣмъ разсчетомъ, что вы будете властью... Мы идемъ въ Думу для того, чтобы добиться демократической конституціи и сдѣлать то неотложное дѣло, безъ котораго жизнь государства итти не можетъ". Это неотложное дѣло— утоленіе земельнаго голода крестьянъ, долженствующее погасить революціонное пламя. Какая чудная мечта: конституціонно-демократическая партія будетъ увѣнчана властью въ Думѣ для того, чтобы не дать „полноты власти" народному представительству и рѣшить по своему до его созыва важнѣйшіе вопросы. Въ этомъ планѣ намѣчается то же, что дѣлаетъ въ тѣ же дни въ своихъ интересахъ царское правительство. Оно рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы и припасаетъ для себя полноту власти. И эту мечту съѣздъ закрѣпилъ въ видѣ постановленія идти въ Думу—большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ.

Восьмое февраля. Послѣдній день революціоннаго года. Онъ, этотъ годъ начался требованіемъ петербургскихъ рабочихъ о вмѣшательствѣ верховной государственной власти въ участь народныхъ массъ. И кончился этотъ годъ любопытной сценой, жаркими дебатами на съѣздѣ конституціонно - демократической партіи по вопросу о вмѣшательствѣ государства въ земельный вопросъ. На засѣданіи восьмого февраля центральный комитетъ партіи выставилъ предложенія,. внесенныя Черненковымъ, по вопросу о надѣлѣ землей. По смыслу этого предложенія, на-

дѣлы должны были опредѣлять особыя мѣстныя коммиссіи.

Поднимется буря. „Надѣлъ", „мѣстныя коммиссіи"! Это—вторженіе государства. Это недопустимо! Тутъ положеніе либераловъ съѣзда дѣлается очень неловкимъ. Они какъ будто бы сами провозгласили право государства на отчужденіе частныхъ земель. Теперь оказывается, что они противъ „вторженія государства" въ земельный вопросъ, будь то не только Учредительное Собраніе, но и „мѣстныя коммиссіи". Иными словами, они противъ вторженія *народа* въ земельную реформу и допускаютъ это вторженіе только для Государственной Думы. При такихъ условіяхъ либераламъ было трудно и нападать на досадное предложеніе Черненкова. Ихъ выручила только неопредѣленная форма внесеннаго комитетомъ предложенія: въ немъ вовсе не указывался составъ мѣстныхъ коммиссій. За это обстоятельство ухватился Родичевъ и проклиналъ эти коммиссіи, какъ будущее орудіе въ рукахъ властей. Но вотъ представитель группы московскихъ рабочихъ заявляетъ, что его довѣрители признаютъ право отчужденія земель за такими коммиссіями, которыя будутъ избраны на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Теперь либераламъ уже было опасно продолжать обсужденіе проклятаго проекта. И они похоронили вопросъ о вмѣшательствѣ народа въ земельную реформу и остановились на прежнемъ рѣшеніи отнять всѣ государственныя, удѣльныя, кабинетскія и монастырскія земли у ихъ прежнихъ владѣльцевъ и выкупить часть частновладѣльческихъ „по справедливой оцѣнкѣ". Спустя день послѣ этого съѣздъ „Партіи народной свободы" прилично и тихо закончился.

Такъ либералы кадетской партіи проводили въ вѣчность первый годъ революціи.

ГЛАВА V.

ЗАВѢТЫ РЕВОЛЮЦІОННАГО НАРОДА.

Съ революціоннымъ 1905-ымъ годомъ сведены всѣ счеты. Революціонный огонь его былъ заглушенъ трупами десятковъ тысячъ казненныхъ безъ суда и убитыхъ по судебнымъ приговорамъ. И на ихъ братской могилѣ заложено основаніе Государственной Думы.

Революція 1905 года, какъ таковая, должна быть признана побѣжденной, потому что она не принесла народу того, что было ея прямой и ближайшей цѣлью—не создала народовластія. Начавшись разслоеніемъ либерально-демократическаго блока, она закончилась его возрожденіемъ въ лицѣ конституціонно-демократической партіи. Рожденная январскимъ подъемомъ пролетарскихъ массъ Петербурга, она умерла въ декабрьскомъ пораженіи возстанія московскихъ горожанъ. Но революціи умираютъ только для того, чтобы снова воскреснуть. Такъ и этотъ революціонный годъ оставилъ послѣ себя зачатки новой борьбы народа съ самодержавіемъ, демократіи съ ложно-конституціоннымъ правительствомъ. Наконецъ, онъ оставилъ—и въ этомъ залогъ воскресенія революціи—неразрѣшеннымъ назрѣвшія соціальныя задачи: передачу всѣхъ земель изъ рукъ династіи, монастырей, церквей и дворянства въ руки народа, окончательное раскрѣпощеніе сельскаго населенія и освобожденіе классовой борьбы городского пролетаріата отъ множества путъ полицейскаго государства. Конечно, неполное разрѣшеніе этихъ задачъ

можетъ быть осуществлено при условіи противодемократическаго соглашенія владѣльческихъ классовъ и группъ между собою. Но полное разрѣшеніе ихъ возможно только въ борьбѣ и при побѣдѣ демократіи надъ остатками самодержавнаго строя.

Первое равносильно прочной побѣдѣ контръ-революціи; второе связано съ новымъ подъемомъ революціонныхъ силъ народа.

Каково бы ни было ближайшее теченіе нашей исторіи, итогомъ перваго революціоннаго года явилось укрѣпленіе и обостреніе тѣхъ условій, которыя неизбѣжно влекутъ за собой демократическій переворотъ. Этотъ годъ былъ великимъ образцомъ революціоннаго процесса въ средѣ современнаго капиталистическаго общества. Это была революція городской демократіи противъ самодержавнаго правительства.

Революціонныя силы промышленныхъ городовъ и такихъ гигантскихъ промышленныхъ механизмовъ, какъ желѣзныя дороги, почта и телеграфъ, въ лицѣ ихъ пролетарскихъ и крайне демократическихъ элементовъ, обнаружили передъ нами истинную основу народовластія. Оказалось, что могуществу октябрьской стачки не въ силахъ было сопротивляться самодержавное правительство, несмотря на то, что послушное ему войско оставалось въ его распоряженіи. И городская демократія должна вынести изъ опыта октябрьской борьбы сознаніе своего могущества, а изъ декабрьскаго пораженія революціонныхъ силъ—сознаніе необходимости согласованныхъ дѣйствій пролетаріата и разночинной массы въ борьбѣ на народовластіе. Но прежде всего революціонный опытъ 1905 года ярко подтверждаетъ главенствующую роль пролетарскихъ массъ въ дѣлѣ демократизаціи государства.

Дѣйствительно, январское рабочее движеніе создало оплотъ для роста и организаціи всей городской демократіи при посредствѣ всевозможныхъ союзовъ. И при

слѣдующемъ подъемѣ рабочей революціи въ октябрѣ разночинная масса уже оказалась на своемъ революціонномъ посту, рядомъ со стачечниками рабочихъ кварталовъ. Нельзя отрицать того, что прямой причиной политическаго пробужденія средняго городского населенія была несчастная японская война. Но зато несомнѣнно, что именно наличность революціоннаго рабочаго движенія сдѣлала разночинную демократію самостоятельной ревелюціонной силой, тогда какъ до „кроваваго воскресенія“ передовые элементы ея плелись за земскими либералами. Все это мы видѣли на очеркѣ исторіи „союзовъ“.

Когда, осенью, острыя послѣдствія войны нѣсколько притупились—послѣ заключенія Портсмутскаго міра,— тогда разночинныя массы начали охладѣвать къ политической борьбѣ. И тѣмъ не менѣе, новый сильный подъемъ революціи въ октябрѣ увлекъ всю массу населенія городовъ и поднялъ служащихъ желѣзныхъ дорогъ. Однако, недостаточная зрѣлость политической мысли средняго городского слоя сказалась въ его неподвижности въ дни ноябрьской и декабрьской борьбы. Горожане въ массѣ своей поддались контръ-революціонной проповѣди буржуазныхъ газетъ и отпали отъ революціонной борьбы. Словомъ, въ дни мнимой „побѣды“ надъ правительствомъ разночинная масса частью возложила свои упованія на либеральныхъ политиковъ.

Послѣдовавшій затѣмъ, неизбѣжный при такихъ условіяхъ разгромъ силъ революціоннаго меньшинства вырвалъ у буржуазной демократіи точку опоры въ борьбѣ противъ самодержавія. Послѣ трагическаго декабря разночинцамъ оставалось играть только роль избирателей кадетской партіи.

Такимъ образомъ, къ концу года возстановился либерально-демократическій блокъ въ лицѣ „Партіи народной свободы“. Но именно на судьбѣ этой по существу контръ-революціонной партіи и сказалось несо-

мнѣнное вліяніе минувшаго революціоннаго подъема демократіи. Разночинная масса не могла уже ни впасть въ прежнюю дореволюціонную косность, ни безгласно слѣдовать за земскими либералами. Кадетская фракція въ Думѣ только по внѣшности своей имѣетъ форму прежняго дореволюціоннаго союза либераловъ съ демократами. Въ сущности же, роль ея въ Думѣ, несмотря на всѣ уставныя ухищренія въ дѣлѣ контроля партіи надъ ея депутатами, въ значительной мѣрѣ опредѣляется настроеніемъ и поведеніемъ демократическихъ элементовъ партіи. Демократы, шедшіе въ теченіе бурнаго года самостоятельно и до извѣстной степени въ ногу съ пролетаріями, вошли въ кадетскую партію при выборахъ только потому, что устраненіе „крайнихъ“ партій отъ выборной кампаніи лишило ихъ возможности голосовать, напримѣръ, за соціалдемократовъ *).

Поэтому можно надѣяться, что новый революціонный подъемъ въ средѣ рабочихъ массъ снова укажетъ демократамъ ихъ роль и мѣсто въ рядахъ борцовъ за народовластіе.

И если даже гнетъ реакціи сблизитъ либераловъ съ разночинной демократіей, заставляя первыхъ дѣйствовать рѣшительнѣе и говорить рѣзче, то опытъ великаго года долженъ послужить руководящей нитью для демократовъ въ политической оцѣнкѣ бывшихъ „земскихъ либераловъ“. Этотъ годъ напоминаетъ, что либералы рѣзки и настойчивы только въ столкновеніяхъ съ безпощадной реакціей, но уступки со стороны врага легко умиляютъ и обезоруживаютъ ихъ. Этотъ годъ напоминаетъ, что либеральная, какъ и другія буржуазныя фракціи, достигнувъ порога власти, становятся безпощадны къ порывамъ революціоннаго недовольства.

---

*) Результаты майскихъ выборовъ 1906 г. въ Тифлисѣ какъ нельзя лучше выясняютъ отношеніе городской демократіи къ революціонному пролетаріату. Демократія здѣсь голосовала за соціалдемократовъ.

Поэтому революція 1905 года завѣщаетъ демократіи революціонное присоединеніе къ рабочему народу въ его борьбѣ за демократическій строй. И этотъ завѣтъ заглушенной революціонной борьбы позволяетъ намъ утверждать, что революція не умерла, хотя бы буржуазныя фракціи и вступили въ соглашеніе съ какимъ-нибудь сомнительно-конституціоннымъ правительствомъ. Частичное разрѣшеніе земельнаго вопроса можетъ вызвать отпаденіе отъ революціи крестьянства, которое и безъ того только къ концу 1905 года начало организоваться въ сознательную революціонную силу. Несомнѣнно, что такой переходъ крестьянской фракціи на сторону партій порядка усилитъ ряды контръ-революціонныхъ элементовъ народа. Но и въ этомъ случаѣ усилится только противодѣйствіе соціальнымъ притязаніямъ рабочаго класса. А поскольку пролетаріатъ будетъ бороться за народовластіе, относясь бережливо и къ интересамъ сельской демократіи, эта послѣдняя будетъ либо на его сторонѣ, либо безучастна.

Такимъ образомъ, послѣ 1905 года путь къ власти шире прежняго раскрытъ для народа. Одни только соглашенія—сознательныя или безсознательныя—пролетаріата и демократіи съ владѣльческими фракціями буржуазіи могли бы засорить этотъ путь развитія историческихъ силъ. Но завѣты великаго года какъ нельзя лучше застраховываютъ и пролетаріатъ и разночинную демократію отъ соглашеній съ этими фракціями на основѣ политическаго довѣрія къ нимъ. Уступки и соглашенія „лѣвыхъ" съ „полѣвѣвшими" правыми могутъ тормозить успѣшный ходъ революціи въ моментъ обостренія всенародной борьбы съ остатками самодержавія. Но 1905 годъ не оставилъ у демократіи вѣры въ „революціонность" владѣльческой буржуазіи. Такъ, въ декабрѣ всѣ буржуазныя партіи, пугливо озираясь на пролетарскую массу, цѣпко ухватились за вѣнецъ царей. И верховная власть осѣнила ихъ своимъ дер-

жавнымъ покровительствомъ, послѣ чего казаки и гвардія покончили съ революціей. А затѣмъ всѣ владѣльческія фракціи буржуазіи одна за другой явили себя народу въ истинномъ свѣтѣ. Землевладѣльцы устраивали въ дни контръ-революціи съѣзды и рѣшали на нихъ крестьянскій вопросъ именно такъ, какъ подобаетъ помѣщикамъ. Они ходатайствовали о присылкѣ имъ военныхъ подкрѣпленій и о вспомоществованіяхъ изъ народной казны за убытки, причиненные имъ революціей. Лифляндскіе бароны съ изысканной жестокостью уничтожали своихъ плѣнныхъ „вассаловъ". Великорусскіе землевладѣльцы торжественной телеграммой благодарили усмирителя Москвы Дубасова и министровъ Дурново и Акимова за мѣры, принятыя ими „для водворенія въ нашемъ отечествѣ порядка и законности". А „монархисты" на засѣданіи въ Москвѣ подъ звуки царскаго гимна апплодировали рѣчамъ Грингмута, Никольскаго, Шмакова. Это былъ отвѣтъ на припѣвъ „бить жидовъ, искоренить крамолу, возстановить самодержавіе". Такъ и подобало дѣйствовать главарямъ черносотенныхъ партій. Но рядомъ съ ними въ дни „установленія порядка" народъ увидѣлъ и „противоправительственныя" фракціи буржуазіи. Въ дни покоренія Москвы, представитель московскаго купечества, главарь Союза 17 октября А. И. Гучковъ, бьетъ челомъ усмирителю столицы Дубасову за спасеніе отечества. Февральскій съѣздъ торгово-промышленной партіи посылаетъ всеподданнѣйшую телеграмму съ выраженіемъ царю благодарности. Представитель торгово-промышленной партіи, избранный въ Государственный Совѣтъ Крестовниковъ, пишетъ министру финансовъ доносъ на проявленіе свободы. По его заявленію разбирательство дѣлъ о стачкахъ у московскихъ мировыхъ судей—это политическіе митинги, на которыхъ отстаиваются интересы рабочихъ. Рѣчи адвокатовъ—тѣ же прокламаціи. И вотъ Крестов-

никовъ, заступникъ торговой буржуазіи въ Государственномъ Совѣтѣ, проситъ правительство ограничить свободу стачекъ законом. Не эти ли реакціонные происки готовятъ соглашеніе капиталистовъ съ рабочими?

А слѣдомъ за жрецами златого тельца, которые шли на служенье ему въ храмъ государства, ринулась вся масса промышленныхъ хищниковъ. Жадность ихъ не сносила томительнаго выжиданія ограничительныхъ законовъ. Они накинулись на пролетаріевъ изъ за казацкихъ спинъ для того, чтобы своровать у нихъ нищенскія крохи благъ революціи. „Только теперь и давить васъ, рабочихъ,“—заявили администраторы механическаго завода Паля въ Петербургѣ. Московскіе фабриканты перешли съ 10 часового на 11 часовой рабочій день. Рабочимъ раздавались списки товарищей для удаленія тайной подачей голосовъ „неблагонадежныхъ“ рабочихъ. Не это ли карманное воровство „хозяевъ жизни“ у рабовъ ея послужитъ основою для соглашенія двухъ классовъ?

За промышленной фракціей по трупамъ жертвъ революціи, подъ шумъ и звонъ либеральныхъ газетъ торжественно шествовала конституціонно-демократическая партія. Пестрая смѣсь либеральныхъ дворянъ съ разночинцами! Комета контръ-революціи съ длиннымъ хвостомъ изъ разбитыхъ группъ городской и деревенской мелкоты! „Народная Свобода идетъ“—выкрикивали газетчики. „Осанна народной свободѣ!“

Маскарадъ народной свободы! Рабочіе не позабудутъ похода либеральныхъ писателей противъ восьмичасового рабочаго дня. Они не позабудутъ борьбы этой партіи противъ требованія Учредительнаго Собранія. И потому, если либеральныя маски захотятъ соглашенья съ рабочимъ народомъ, то соглашенье можетъ быть только одно. Это—выработка основъ народовластія во Всенародномъ Учредительномъ Собраніи.

Таковъ предсмертный завѣтъ покинутой демократіей и задавленной реакціей революціи.

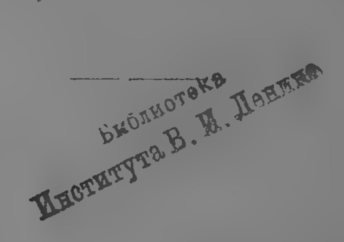
Рабочіе и разночинцы-революціонеры, а не либеральные буржуа, боролись и умирали за народную свободу съ января по декабрь 1905 года. Правительство кинуло народу августовскій манифестъ. Либералы ухватились за него. Рабочій народъ отъ него отвернулся и поднялся въ октябрѣ опять за народную свободу. На этотъ разъ съ нимъ поднялась и разночинная демократія. Октябрьская революція—если примѣнить къ ней слова Маркса о французской революціи 1848 года—„пользовалась всеобщимъ сочувствіемъ, потому что противоположности между элементами, сообща возставшими противъ самодержавной власти, еще не успѣли развиться и мирно уживались рядомъ". Революціонный народъ получилъ октябрьскій манифестъ. И рабочія массы взяли его и оперлись на него. Онѣ стали переливать слова въ факты и выковывать основы народной свободы. И вотъ тогдашняя маскарадная „Партія народной свободы" обвинила соціалдемократовъ въ безуміи соціалистическихъ происковъ. Буржуазія отступилась отъ массъ и увлекла за собой растерявшуюся разночинную демократію, разрывая ее на клочки въ партійной борьбѣ между фракціями. И владѣльческая буржуазія прокляла революцію. Смерть революціи для счастья буржуазнаго міра!—вотъ о чемъ кричалъ каждый политическій жестъ этихъ буржуазныхъ фракцій. Смерть революціи!—ревѣли черныя сотни, верша свои подвиги. Смерть революціи!—кричалъ и блокъ правыхъ партій. Смерть революціи!—гласилъ тайный смыслъ „кадетской" программы, и ей вторили хулы и насмѣшки конституціоналистовъ - демократовъ по адресу московскихъ борцовъ. Смерть!—отвѣтило министерство Дурново—Витте.

Смерть народной свободы,—таковъ былъ не-

избѣжный смыслъ буржуазной контръ-революціи. Это должна будетъ понять сбившаяся съ пути разночинная демократія, когда убѣдится, что на трупѣ революціи 1905 года не можетъ быть построено даже и царство буржуазіи—конституціонная монархія. А пролетаріатъ уже разгадалъ и другое откровеніе революціоннаго года: гибельное значеніе своего одиночества въ декабрьской борьбѣ Петербурга съ правительствомъ. И изъ своего пораженія онъ выноситъ для грядущей борьбы кличъ: борьба только противъ всѣхъ враговъ демократіи вплоть до окончательнаго низверженія стараго строя.

Духъ революціи на короткій періодъ покинулъ раздавленное тѣло ея. Но онъ живъ, и при новомъ подъемѣ волнъ народнаго моря онъ долженъ найти себѣ воплощеніе въ разрушеніи остатковъ закрѣпощенія народа, въ борьбѣ за народовластіе.

„И мы восклицаемъ: революція умерла, да здравствуетъ революція“ *)!

*) К. Марксъ. „Классовая борьба во Франціи“. Перев. изд. „Буревѣстникъ.“

Книгоиздательство „Молотъ“

Спб. Фонтанка,- 52.

1. **Каутскій** „Аграрный вопросъ“ . . 25
2. **Его же** „Эрфуртская программа“. 20
3. **Его же** „Классовые интересы“ . . 5
8. **Энгельсъ**„Отъ утоп. къ научн. теор.“ 10
9. **Его же** „Пол. рабоч. кл. въ Анг.“ 50
10. „Идеи маркс. въ герм. раб. парт.“ 10
11. **К. Марксъ и Ф. Энгельсъ** „Философ.“
14. **В. Либкнехтъ** „Робертъ Оуэнъ“ . . 5
15. **Его же** „Наши цѣли“ 7
16. **Его же** „Знаніе—сила“ 6
17. **А. Бебель** „Антисемит. и коллек.“. 5
18. **П. Лафаргъ** „Продан. аппетитъ“ . 3
20. **Его же** „Поклоненіе золоту“ . . . 5
21. **Э. Вальянъ** „Кризисъ и безр.“ . . 7
23. **Лили Браунъ** „Женщина и пол.“ . 8
24. **Энрико Ферри** „Колл. и позит.“ . 20
26. **„Амстердамскій конгрессъ“** 3
30. „Ф. Энгельсъ“ Біогр. очеркъ . . . 6
31. „Три біографіи“ 5
33. **С. Вржосекъ** „Осн. гос. на Зап.“ . 7
34. **Н. Рожковъ** „О форм. нар. предст.“ 5
36. „Ф. Лассаль“ Біограф. очеркъ . . 15
37. **Поль Луи** „Фр. мыс. и дѣят. XIXв.“ 35
38. **К. Каутскій** „Предст. правл.“ . . 15
39. **Октавъ Мирбо** „Жанъ Руль“ . . . 8
40. **Штернъ** „Теор. приб. ст. Маркса“ 5
41. **Лафаргъ** „Истор. матер. и идеал.“ 4
42. **К. Марксъ** „Клас. бор. во Фран.“ . 12
43. **Э.Вандервельдъ**„Пром. раз. и об. ст.“ 25
44. **Э. Боркгаймъ** „Движ. чартистовъ“ . 12
45. **Н. Вернеръ** „Куда идетъ разв. . общ“ (Рядовой—О соціализмѣ). . 2
46. **Б. Радинъ** „Госуд. устр. во Фр. . 3
47. **Его же** „Полит. партіи и формы 3
48. **Ф. Мерингъ** „Изъ общ: уч. XIX в. 6
49. **К. Гамбонъ** „Отв. вер. собранію“ . [illegible]
50. **П. Лафаргъ** „Трудъ и праздность 6
51. **Г. Грейлихъ** „О матер. поним. ист. 8
52. **Э. Амичисъ** „Студ. и соціал. вопр.“ 3
53. **И. Витонскій** „Что такое законы“. 4
54. **„Варленъ перед. суд. присяжн.“** . . 2
55. **„Исторія одной стачки“** 4
56. **А. К.** „О совѣщ. представит.“ . . 1
58. **Э. Беллами** „Сказка о водѣ“ . . . 2
59. **А. Омельченко** „Вмѣстѣ съ кѣмъ“ 5
60. **С. Федоровичъ** „Какъ соб. нар. деньги“ 2
62. **П. Кампфмейеръ** Оч. изъ истор. и литерат. герм. раб. движенія“ 15
63. **Э. Вандервельдъ** „Коллективизмъ“ 4
64. **Ю. Стекловъ** „Политич. партіи“ . 20
65. **Гедъ и Лафаргъ** „Пр. фр. раб. пар.“ 12
66. **К. Каутскій** „Слѣд. Рус. Яп. войны“ 5
67. **Л. Памирцевъ** „Война и Дума“ . 5
68. **Поль Луи** „Ист. соціализма во Фр.“ 60
69. **Ф. Лассаль** „Рѣчь цер. суд. прис.“
71. **П. Юшкевичъ** „Имуществен. цензъ“ 10
72. **Л. Зачинскій** „Страх. раб. на Зап.“ 20
73. **Б. Радинъ** „Какое избир. право нужно раб. кл.?“ 3
74. **К.Марксъ** „Рев. и кон.-револ. въ Гер.“ 25
77. **Ферри**„Эволюція эконом.и соціал“
78. **Лафаргъ**„Соціал. и интеллигенція 6
79. **Дэстрэ** „Соціализмъ и искусство 8
80. **Бронинъ**„Какъ бел. раб. бор. за св.“ 10
81. **Марксъ** „Процессъ коммунистовъ“ 20
82. **Его же** „Парижская коммуна“ 20
83. **Іеккъ** „Интернаціоналъ“ 80
84. **Рол. Гольстъ** „Всеоб полит. стач“ 35
85. **Каутскій** „Соціал. и сел. хозяйст.“ 20
86. **Омельченко**„Отвѣтств. министровъ 12
87. **Каутскій** „Аргар. воп. въ Россіи“ 5
88. **Марксъ** „Цѣна, приб. и зараб. пл. 15
89. **Мерингъ** „Историч. матеріализмъ“
91. **Вильг. Вейтлингъ** „Біогр. оч.“ [illegible]
92. **Вандервельдъ** „Алкоголизмъ“ . . 3
93. **К. Марксъ** „Евр. вопросъ“ . . . 15
94. **Комперъ Морель** „Задачи проп. въ деревнѣ“ 8
95. **Лафаргъ** „Коммун. и экон. разв.
96. **Ю. Каменевъ** „Что такое либералъ и консерваторъ“ 7
97. **Вандервельдъ** „Упадокъ капитал.
99. **Гедъ** „Законъ зараб платы“ . .
100. **Н. Ленинъ** „Нужды деревни“ . . 15
103. **Лиссагаре** „Исторія коммуны“ .
104. **Вѣрова** „Законъ прот. соц.“ . .
105. **Б. Авиловъ** „О Госуд. думѣ“ . .
106. **В. Зоринъ** „Раб. класс. и инт.“ . 3
107. **М. К.** „Двѣ революціи“ . . . .
108. **Петропавловскій** „Филос. лжи“ . . 15

5

